

АКАДЕМИЯ МАГИИ

ЕЛЕНА ЗВЕЗДНАЯ

АКАДЕМИЯ ПРОКЛЯТИЙ

УРОК ТРЕТИЙ: ТАЙНЫ БЫВАЮТ СМЕРТЕЛЬНЫМИ

Annotation

Никогда не идите на поводу у слишком амбициозных родственников! Никогда. Тем более не соглашайтесь на их предложение для вида побыть чьей-то невестой. Поскольку неловко получится, когда на фиктивную помолвку вдруг явится ваш настоящий жених, лорд-директор Академии Проклятий, и предъявит свои права! Ошибка за ошибкой, и вот вы уже на заставе, где происходит нападение жрецов-скаэнов, и сам магистр Смерти вынужден спасти вашу жизнь. И стоило бы смирить свое неумное любопытство, потому что таинственный враг, создавший формулу усиления проклятий и способный убивать даже Бессмертных, уже начал охоту на «ДэЮре». А ведь лорд Эллохар предупреждал – есть тайны, раскрывать которые смертельно опасно...

* * *

– Адептка Риате, – чуть вибрирующий голос главы нашего учебного заведения заставлял содрогаться что-то глубоко внутри, впрочем, от его голоса сейчас и стекла дрожали, – я жажду услышать ваши объяснения!

Магистр темной магии, племянник императора, Первый меч империи, член ордена Бессмертных, сам великий лорд Риан Тьер нацелил на меня пристальный взгляд черных, как само Темное Искусство, глаз. И он вовсе не жаждал моих объяснений, он их попросту требовал.

Мысленно помянув Бездну, я попыталась хоть как-то оправдаться:

– Так... получилось... – Да, с оправданиями у меня всегда было туго.

Дверь распахнулась. Лорд-директор стремительно обернулся, обратив полный ярости взгляд на самоубийцу, который был не в курсе собственного стремления распрощаться с жизнью. Деревенский кузнец – здоровенный детина с широченными плечами, орками в предках и квадратной челюстью – взгляд разъяренного магистра выдержал с достоинством, а после пробасил:

– Уж простите, уважаемый преподаватель и господин директор, но негоже вам оставаться наедине с моей невестой.

Мастер Горт, насколько мне было известно из тетиных рассказов, гнул подковы руками и в одиночку ковал даже двуручные мечи, но что-то мне подсказывало, что сейчас погнут его самого.

– Твоя невеста?! – нехорошим тоном переспросил магистр.

И, повернувшись ко мне спиной, абсолютно и полностью переключился на несчастного – Горта.

– Моя! – Кузнец себя несчастным не чувствовал, он и на рвара с голыми руками ходил, как поведала мне все та же тетя Руи.

Лорд Тьер усмехнулся, а потом спокойно произнес:

– Я тебе дам один совет, мужик: больше никогда не смей даже смотреть в ее сторону.

«Мужик» растянул губы в кривой ухмылке, продемонстрировав отсутствие парочки зубов, размял плечи, закатал рукава и посоветовал:

– Ты это, лицо прикрывай, а то изуродую, к Бездне, харю твою столичную. – И бросился на лорда-директора.

Драться при мне Риан не стал. Молча схватил кузнеца за шиворот, молча поднял весь его немалый вес, так на вытянутой руке и вынес из моей скромной спальни.

Потом на лестнице раздались его легкие, даже с такой ношей, шаги, крики собравшегося в нашей общей комнате народа, а там было человек сорок, после скрипнула входная дверь.

Звуки глухих ударов сквозь завывания метели слышны были плохо, хрипы кузнеца также,

но, вот когда он начал молить о пощаде и Бездной клясться больше никогда не смотреть в мою сторону, это слышали явно все.

Не выдержав, подошла к окну и увидела, как кузнец Горт уползает с нашего двора на четвереньках, а магистр, снимая перчатки, возвращается в дом.

Я отпрянула от окна, едва раздался скрип пропускающей Тьера входной двери, и уже ждала, что он вновь ко мне поднимется, но тут раздался громовой рык, потрясший дом до основания:

– Дэя! Спустись сюда, будь любезна.

Нервно сглотнув, я... осталась стоять посреди комнаты. Ровно до повторного:

– Дэя!

Что я ему скажу? Вот что мне сказать? И как я произнесу это при всех? Что согласилась на этот фарс из жалости, а меня попросту использовали? Да если я расскажу все, как было, тогда кузнецу не только от Риана, но еще и от отца достанется... и тете Руи тоже. И все равно я же отказалась бы – завтра, не при всех, да кто ж знал, что магистр примчится не на пятый, а на третий день после моего приезда...

Вообще должна признать, что эта поездка сразу пошла не так, как следовало. Начать с того, что бабушки Доры, мамы моего отца, в Вилре не оказалось. Меня еще тогда насторожила фраза бабушкиной соседки, что госпожа Дора – уехала на семейный совет. Жаль, значения не придала. Потом случилось нечто еще более удивительное – дяди с семьей также не оказалось дома! Нет, ночевать на постоялом дворе не пришлось, нас с охранниками с радостью приютила дядина теща, очень милая руддака, которая и после смерти мужа оставалась верна традициям его родственников. Да, следовало призадуматься уже тогда, потому как в моей семье, кроме младших братика и сестрички, соответственно восьми и семи лет, все остальные были уже замужем, женаты или в состоянии приближающегося брака.

Но почему-то тогда я об этом не подумала. Играла со Счастливым, учила списанные у Тесме заклятия противодействия, да и дорога значительно отвлекала. На повороте к Верегсу на нас напали оборотни. Не то чтобы напали, но боевым магам так показалось. В итоге пришлось орать из кареты, что это друзья. А вся суть в чем – оборотни населяли Верегские леса и зимой их не покидали, а любопытство – вещь суровая, вот обычно и тормозили почтовые экипажи, чтобы узнать, что и как в мире творится, а то что в зверином обличье – так в шкуре зимой теплее, чем даже в шубе. Но, увы, объяснить магам особенности местного взаимоотношения рас я не успела, в итоге они подпортили шкуры тем троим, что мирно пытались остановить нас на дороге. А оборотни своих не бросают, и половина стаи помчалась мстить. Маги приготовились дорого продать свои жизни, а я все старалась выбраться из кареты, чтобы объяснить ситуацию, однако у кого-то из бывших офицеров в запасе имелось заклинание «Клеть», и я оказалась в магической неоткрываемой клетке. Я кричала, я билась в дверь, я настаивала – но в условиях взрывающихся огненных снарядов и нарастающего воя стаи оборотней меня никто не слышал. Ровно до слов: «Сейчас как проклянута всех!»

Вот тогда карету остановили, меня выпустили, и самый старший из охраны лорд Орвес спросил:

– Ты что-то сказала?

То есть на меня еще и разозлились. Спас меня крик одного из оборотней:

– Так это же Дэя!

Маги сменили гнев на милость и осведомились:

– Так вы с ними знакомы, госпожа Риате?

Вот не зря я хотела ехать на почтовом экипаже, там возницы опытные, все уже знают и обычно даже обмениваются подарками с оборотнями. Пришлось долго объяснять магам, как сильно они не правы. Все закончилось прозаически – меня, настаивающую на продолжении путешествия, вновь заключили в карету и к заклинанию «Клеть» добавили еще и заклятие «Молчание», а после маги и оборотни всю ночь напролет делились новостями в стане оборотней, рассевшись вокруг костров. Обидно, что даже выспаться не удалось, – это они меня не слышали, а вот мне досталась вся гамма незабываемых впечатлений от пьяных хоровых песен, выводимых глотками магов и оборотней.

Ко всему прочему, когда мы, наконец, двинулись дальше, маги со мной не разговаривали принципиально. Они ехали в основном молча, мучительно перенося страшную болезнь под названием похмелье, и изредка ругали оборотней с их пойлом, против которого даже заклинания трезвости не срабатывали.

В общем, пять дней вместо семи, так как ехали мы быстро, закончились к всеобщему нашему облегчению. Меня подвезли к дому, еще издали заметно обновленному, открыли дверцу кареты, протянули руку в стальной перчатке, после чего помогли спуститься и отчитались:

– Объект Дзя Риате доставлен до места назначения в целостности и сохранности. За время путешествия объект по темным подворотням не бродил, в сомнительных компаниях не пил, в драках не участвовал, картин, способных вызвать негодование и повредить моральным устоям, не видел.

И тут я понимаю...

– Так вы меня поэтому в карете заперли, когда отправились напиваться с оборотнями? Чтобы я картин, способных вызвать негодование и повредить моральным устоям, не видела?!

Мне невозмутимо ответили:

– Мы условия контракта выполнили в строгом соответствии с требованиями возрожденного духа смерти. – И лица такие честные.

Тогда-то я поняла, кого благодарить за самую ужасную в моей жизни поездку. И после такой дороги мне хотелось только прийти домой, посидеть с мамой и папой за обеденным столом, рассказать, что у меня случилось... И чтобы в тишине, и чтобы слышно было, как потрескивают дрова в камине, и чтобы Царапка ласково мурчала у меня на коленях, и...

Дверь распахнулась еще до того, как маги, соизволившие донести мои чемоданы, подошли к дому. В следующее мгновение меня оглушило приветственными криками, топотом многочисленных ног, радостными восклицаниями, и вся наша немалая родня вывалилась встречать старшую дочь, то есть меня. В дом я была унесена потоком отчего-то крайне довольных родственников и с трудом удержала улыбку, увидев, сколько их понаехало. Нет, я своих родственников люблю, но... это Приграничье, и в каждой семье восемь – десять детей, а как результат, стоит только собраться всем детям со своими детьми и супругами, одного стола уже не хватает, а здесь имелась вся папина родня и частично мамина... Наш большой дом оказался переполнен до основания! Но даже не это самое страшное.

– Дзя, умничка наша, как же я рада видеть тебя! – Тетя Руи, жена старшего папиного брата, нынешняя глава всего рода, ответственная за все брачные дела, радостно направилась ко мне, раскинув очень толстые руки.

Я, конечно, родственников люблю, но вот конкретно при виде тети Руи мне захотелось

развернуться и уехать или хотя бы куда-то сбежать. Но самое неприятное – тетья фактически оттолкнула маму, намереваясь обнять меня первая. И раньше я бы молча подчинилась, как и всегда, но... что-то изменил лорд-директор в сознании всех адептов Академии Проклятий.

– Темных вам, тетя Руи, – громко возвестила я и, ловко выставив на ее пути тетю Милю, подбежала к маме.

Мамочка, стройная, чуть усталая, но очень счастливая, крепко обняла меня и прошептала нашу семейную фразу:

– Ты дома.

Она всегда это говорила, просто – «Ты дома», и в этом было так много всего: и радости от того, что я приехала, и тоски обо мне, и грусти, что скоро вновь уеду. Впрочем, на этот раз мама прошептала и еще кое-что:

– Папа не согласился.

Когда она отстранилась, обнимая мое лицо такими родными ладонями, я уже начала догадываться, на что не согласился папа... Впрочем, тетка настаивала на выдаче меня замуж с моих четырнадцати, а уж теперь-то...

Помяни тетушку...

– Ну, раз все всех рады видеть, – сарказм явно ко мне относился, – женщины отправляются готовить столы, мужчины прочь! Сегодня женский день!

Продолжаю смотреть на маму, та явно подавила недовольство и пытается улыбнуться, но не выходит. А все дело в тете... И вот раньше я бы промолчала, а сейчас даже не собиралась:

– Тетя Руи, – разворот в сторону главы семьи Риате, – по какому поводу праздник?

В нашем роду все в основном светловолосые и сероглазые, тетя в толпе родственников отличается черной с проседью копной волос, черными глазами, каким-то злым лицом и властным выражением на оном. А еще габаритами – она по ширине с дядей может соперничать, тот охотник, как и отец, так что косая сажень в плечах.

– А у нас, Дзечка, радость, – сквозь зубы ответила тетушка, – старую деву, позор рода, замуж отдавать будем.

Шум в толпе моих родичей стих в мгновение. Да, я старая дева, и это факт. Мои младшие сестры уже замужем, у всех дети есть, а мне двадцать, брачный возраст четыре года как миновал, так что старая дева и позор рода. И можно было бы честно сказать, что я уже помолвлена и замуж собираюсь, но... одно дело – сообщить это маме и папе и совсем другое – тете Руи, не хватало, чтобы она по всему Приграничью начала трезвонить, что является родственницей самого лорда Тьера.

Опускаю голову, встречаюсь взглядом с золотыми глазищами Счастливики, вспоминаю, что мне сегодня желательно еще найти нашу кошку и узнать, в чем секрет ее долгожительства, и успокаиваюсь.

– Да, тетя Руи, – я вскинула подбородок, встретила с колючим тетиным взором, – я старая дева. Мне это нравится. И еще – замуж я не могу выйти до окончания академии, так что... придется вам смириться с тем фактом, что в семье Риате все же существует одна старая дева!

Тетя искренне убеждена, что ее задача как главы рода – выдать всех девушек замуж. Лично я вообще сожалею, что бабушка Дора передала ей полномочия после смерти дедушки. Наверное, бабушка тоже об этом жалела, да сделанного назад не воротишь, теперь все страдают. И если к дяде претензий не было, то тетя... Папа на маме вообще без ее благословения женился, за что был отлучен от всех семейных собраний до рождения третьего

ребенка. Ну да это дело прошлое, а проблема в том, что папа своих родственников любит, и мне не хотелось, чтобы у него из-за меня были неприятности.

– Все сказала? – елеиным голосом спросила тетушка.

– Да, тетя Руи, – покорно согласилась я.

– Так вот запомни, Дэюшка, – начались нравоучения, – то, что ты умеешь читать, да еще и учишься где-то там, в никому не нужном учебном заведении, не отменяет того факта, что ты Риате! И пока я жива...

И тут я не сдержалась:

– Академия Проклятий, тетя! Я учусь в Академии Проклятий! И кстати, у меня есть собственное дело: контора частного сыска «ДэЮре», которую я открыла вместе со своим партнером...

– Дроу Юрао Найтесом, – пропела тетя.

Я чуть котенка не выронила.

– Дэюшка, – массив тетки подплыл ко мне, наклонился к моему уху и прошипел: – Про твои похождения в Ардаме я знаю. И про то, что подавальщицей четыре года с пьянчужками по углам зажималась. И если ты мне сейчас заартачишься, я ни тебе, ни мамке, ни сестрам твоим житья не дам – всех опозорю.

Тетушка выпрямилась, с высоты своего роста насмешливо поглядывая на меня. Я же стояла, смотрела на нее и думала – проклятие острого поноса или не менее жестокое проклятие икоты на сутки?! Одно плохо – тогда с троллями в Мертвом городе я жизни наши защищала, следовательно, и проклятие могла использовать, а если здесь произнесу, получу отчисление из академии. И даже лорд Тьер мне не поможет. И все равно спускать это дело ей с рук я не собиралась, правда и скандалить при всех не хотелось.

– Хорошо, тетя, – с трудом выговорила. – Могу я с дороги отдохнуть?

– Конечно, милая, – мне мерзко улыбнулись, – иди.

Я развернулась и вышла на двор. Холодный ветер порывом ударил в лицо, снежинки завьюжили, упав с крыши, а потом на руках зашипел Счастливчик. Начал выгибаться и в итоге соскользнул на снег, смешно провалившись по самую мордочку. Я хотела поднять его, но котенок проявив свое нетипичное происхождение – уполз по снегу. И почти сразу в мои руки, пытающиеся ухватить котенка, ткнулся нос Царапки. Наша большая, дородная такая кошка ласково замурлыкала, приветствуя меня.

– И тебе кошмарных, – присев на корточки, я почесала за мохнатым ушком и задумчиво пробормотала: – Интересно, ты действительно возрожденный дух или просто кошка...

Царапка, мурлыча, подобралась ближе, поднялась на лапы, топчась на моем платье, как это умеют делать только кошки, ткнулась мордочкой в мой нос, а затем уставилась на меня блестящими в отсветах дома глазами и как скажет:

– А ты как думаешь?

Я так и села прямо в сугроб! Сижу, во все глаза смотрю на нашу старую, снова беременную кошку и поверить не могу! А Царапка мягко обошла, потершись о мою руку, и мурлыкнула:

– Прростыть хочешь? Вставай, Дэя, нечего на снегу сидеть.

Наверное, заговори со мной кошка раньше – убежала бы со всех ног, оглашая окрестности дикими криками, а сейчас:

– Темных вам, – пробормотала я, глядя на пушистую красавицу.

– И тебе, Дэюшка, – мурлыча, ответила кошка, обходя меня по кругу, – а теперь

поднимайся из снега, а то поцарапаю.

Встала.

– Возрожденный дух, – прошептала я непослушными от мороза губами.

Кошка мягко оттолкнулась от земли и прыг-нула ко мне на руки. Поймала я ее по привычке как-то.

– Скажи Эресе, что идешь к бабушке, – приказала Царапка, тычась носом мне в шею. Она всегда так делала, но раньше меня это не пугало, а вот сейчас... – Не бойся меня, Дэюшка. И к бабушке идем, нервы успокоишь, сама успокоишься да меня выслушаешь.

Я обняла кошку, прижимая покрепче, подошла к двери, крикнула:

– Mamочка, я к бабушке сбегаяю.

И ушла, не дожидаясь ответа.

Выйдя за околицу, пошла по дороге, утопая по колено в свежевывавшем снегу, и не удержалась:

– А папа где?

– Так встречает тебя на Заставе, – сообщила Царапка, – они ж не знали, что ты с охраной приедешь, а не почтовым дилижансом, вот с мужиками и отправились. Не переживай, за ними уж поехали.

Я невольно улыбнулась и подумала, какой у меня замечательный отец все же. И мама, и сестры с братьями, но уж никак не тетя Руи!

– Ты изменилась, Дэюшка, – вновь заговорила кошка, – глаз больше не опускаешь, голосом говоришь не тихо, как трава шуршит, а уверенно, да и спину ровно держишь.

– Так ты тяжелая! – возмутилась я.

– А то, – кошка фыркнула, обдав мое лицо облачком теплого пара, – беременность изображать – дело трудное.

И тут я понимаю, что не было у нас котят каждый год! Не было! И не улетал в лес никто и... Остановившись, возмущенно посмотрела на кошку. Между прочим, я всегда переживала, в лес потом бегала, и звала их, и молочко им носила, и...

– Не стой, Дэюшка, поспешай давай, времени-то нам много не дадут, а в доме не наговоришься, там ушей сейчас, что умертвий по весне... неупокоенных.

«Поспешать» было сложно, но я все же заторопилась. До конца улицы взмокла в итоге, и к бабушке ввалилась без стука, открыв щеколду на калитке.

Дверь в избу распахнулась сразу же, и, перекрывая вой метели, раздался бабушкин чуть хриплый голос:

– Дэюшка, ты?

Вот откуда она всегда знает, что это я пришла?

– Я, бабушка! – Царапка улетела в сугроб, я не хотела с ней так, просто мимо узкой тропинки промахнулась. – Темных ночей, бабуль!

И с разбегу обняла сухонькую старушку, у которой, несмотря на возраст, объятия были сильными и крепкими.

– Дэюшка, кровиночка моя, – пробормотала бабушка, – уж как добралась, доехала?

– Хорошо, бабушка, все хорошо, я дома.

И почти успокоилась, на миг поверив, что все по-прежнему, а тут из сугроба:

– Косорукая ты, Дэйка! Или злая? Ты злая или косорукая?

Вздрогнула, никак не ожидая, что Царапка заговорит при бабушке!

– Уймись, Цара, девочка промахнулась, а ты и рада в сугробе повалиться, уж я то видела,

что хвостом в полете махнула.

Я от бабушки отпрянула, смотрю удивленно, а кошка пышный хвост трубой – и мимо нас в дом проследовала.

– И ты заходи, – бабушка за плечи обняла и к двери подтолкнула, – нечего на морозе – стоять.

Я зашла, в сенях разулась, по теплому деревянному полу в светлицу вошла. У бабушки дом очень старый, не знаю, сколько ему лет, но таких домов во всем Загребе не найдешь – всего три комнаты, да в один этаж, и печь здесь не дом греет, а стену. Очень старый дом, но пахло в нем всегда травами и чаем травяным, а уж когда бабушка пекла булочки, мы через всю деревню запах чувствовали и к ней бежали.

– Не стой, садись, – бабушка к столу подтолкнула, – и раздевайся, тепло у меня.

Пока пальто, шапку и шарф снимала, бабушка налила нам чаю, а Царапке в блюдечко сметаны набрала и теперь сидела и просто смотрела на меня.

– Ты изменилась, – вдруг сказала она, – взгляд другой, осанка и даже улыбка. А еще в глазах твоих любовь светится, Дэя. Любишь ты кого-то больше жизни, да гордости, да желаний своих. Скажешь мне имя счастливчика?

Тут я шарф выронила и, бледнея, испуганно воскликнула:

– Счастливчик!

Бабушка удивленно посмотрела, а Царапка на стол запрыгнула, сметану лизнула и недовольно так:

– Что с ним сделается? Поохотится в лесу, да и к тебе утром вернется, смерть то ему уже не грозит.

Тут бабушка не выдержала:

– Опять духа привела! – и смотрит на меня так... гневно.

– Что значит «опять»? – переспросила я, присаживаясь на скамью.

– А я, по-твоему, из лесу сама приковыляла? – Царапка фыркнула. – Ты меня принесла, мелкая была, годка три всего, а мимо котенка не прошла. Ух и ругалась Эриса, мать твоя, но Орон поддержал, говорит: «Прокормим, зато у Дэюшки сердце доброе, пожалела котенка». Возродиться не каждый дух может, силы много уходит, а если маг за тобой следует, да изматывает, тут уж прыгнешь и в котенка новорожденного, лишь бы слабый был, чтобы его дух изгнать, место в теле занять. Но и опасностей много – темный по следам идет, а темные они от своего не отступаются, да и выжить надо: перерождение – сложный процесс, тело, в которое вселишься, гибнет зачастую. И тут уж забота требуется, а еще больше тепло чужой души, той, что теплом поделится. За мной два мага шли, Дэя, да магистр. Силы во мне много было, но напрыгаешься из тела в тело – и как свеча на ветру гаснешь... Тот котенок стал моим последним шансом, а сразу после перерождения бежать пришлось, да так, что лапы в кровь, а маги на ящерах, и маяк их вел точно... Мне повезло дважды, Дэя, твой отец взял дочку за зимними ягодами, да у тебя было доброе сердце. Ты меня спасла, детскими ручками подняла с трудом, и под шубейку спрятала. Теплом ты поделилась со мной, и маги след потеряли. А как домой принесла и увидела Эриса одежду и шубейку, кровью испачканные, потребовала выбросить меня, а ты не дала. Второй раз теплом со мной поделилась, душевным теплом. И я выжила.

Царапка ближе подошла, улеглась на столе, мордочку мне на ладони положила и продолжила:

– Думала я окрепнуть, сил набраться и уйти из вашего дома, но... – кошка на миг глаза

зажмурила, как умеют только кошки, – ты росла, добрая и умненькая такая, жаль тебя стало.

– И что? – внезапно какая-то подозрительность проснулась во мне.

Царапка в глаза посмотрела, не мигая и взгляд не отводя, произнесла:

– Если бы я ничего не сделала, судьба твоя в Загребе бы и сложилась. Кем бы стала, Дэя?

В четырнадцать заневестилась, в пятнадцать посватана, в шестнадцать жена. Не по тебе судьба такая!

И мне вдруг совсем нехорошо стало. Глядя на Царапку, я едва слышно выдохнула вопросительное:

– Загрызень?!

Царапка глаза прищурила и как зашипит:

– Ты меня за кого принимаешь? Я тогда всю шкуру чуть не стерла, отца твоего за порог не пуская! Сама ты меня наверх унесла! Да и не поддается загрызень магии, иначе отвела бы его от Орона, как всегда делала, зря, что ли, он самый удачливый охотник в округе?

– Прости... – попросила с нескрываемым облегчением.

Потому что не знаю, как бы я смогла на Царапку смотреть, если бы того загрызня привела к нашей деревне она.

– То-то же, – буркнула кошка, – а вот к лорду земли вашему я тебя направила.

Едва не выронив чашку, которую только взяла в руки, я потрясенно спросила:

– Зачем?

– А я, Дэюшка, не лекарь, помочь Орону не смогла бы, да время истекало, а погибни твой отец...

Знаю, что дальше было бы – мы бы к тете с дядей переехали. И жили бы в их доме, на правах приживалок. И тогда да, в моей жизни ничего бы не было: ни академии, ни магистра Тьера, ни совместного дела с Юрао... И выходит, что вся ситуация с лордом Градаком стала для меня благословением Бездны, а ведь тогда я думала иначе, тогда мне казалось, что моей жизни пришел конец...

И тут в разговор вмешалась бабушка:

– Долго молчать будешь, Дэя? Кто он, расскажи нам, будь мила.

Осторожно стянула перчатку с левой руки, черный бриллиант ярко сверкнул в свете горящих свечей, и я почему-то начала улыбаться.

– Да-а-а, – протянула Царапка, – это мы крупную рыбку подцепили!

Быстро натянула перчатку обратно. Почему-то сказанное кошкой вмиг напомнило, что лорду Риану Тьеру я вовсе не пара. Кто он и кто я...

– Прости, – Царапка руку лапой накрыла, – не хотела обидеть. Так как звать его?

Бабушка спрашивать не стала, ладонь мою к себе потянула, перчатку сняла и в кольцо вгляделась.

– Никак маг, – прошептала она, – сильный да родовитый. Уж не императорских ли кровей?

И взгляд такой встревоженный на меня бро-сила.

Увиливать я не стала, сказала как есть:

– Племянник императора, лорд Риан Тьер...

Царапка свалилась со стола. Бабуля так и застыла, даже рот от удивления открылся, зато потом понеслось:

– Да ты что, Дэюшка! Сам племянник императора! Да как же это?!

Пожав плечами, я промолчала, потом осторожно руку у бабушки забрала, но перчатку

натягивать не стала – осторожно прикоснулась к камню, такому же черному и мерцающему, как и глаза магистра. В очередной раз поняла, что скучаю... Удивительно, да, но очень скучаю.

– Да не молчи ты! – Царапка вылезла из-под стола, прыгнула на скамью, оттуда обратно на свое коронное место. – Где встретились?

И вот тогда, несмотря на имеющийся и не беспричинный стыд, честно призналась:

– А я его... прокляла...

Царапка повторно свалилась на пол. Оттуда, из-под скамьи, донеслось:

– Я пока тут посижу. Безопаснее оно как-то... Дальше-то что?

Ответить я не успела. Дверь распахнулась, впуская ледяной порыв ветра и поднятый начинающейся метелью снег, и вошел отец. С радостным криком «папа» я бросилась к нему, с лету попала в крепкие объятия.

– А я на Заставе ждал, – отец стиснул так сильно, что дышать стало тяжело. – Дэюшка, солнышко мое, соскучился до смерти.

Тут бабушка пробурчала:

– Орон, задушишь девочку, объятия то у тебя медвежьи, – это она так, для порядка, а сама еще чашку достала, чай налила да папе к чаю набрала меду – он любит. – За стол садись, небось с обеда голодный, с такой-то прорвой народу.

– Голодный, мама, – покорно согласился отец, он вообще бабушку, свою тещу, любит и уважает.

– А чего раньше не зашел?!

Бабуля тут же встала, поспешила к печи и вскоре поставила на стол, подвинув чашку и булочки, миску с мясной похлебкой, рядом на блюде положила ломоть хлеба. Посмотрев на это дело, я жалобно сказала:

– Тоже хочу. Я, правда, на постоялом дворе обедала, но от твоей похлебки не откажусь.

Мне тут же наполнили тарелку, я меньше отца ем, с этим не поспоришь.

Скинув кожух, шапку и теплую безрукавку, отец сел за стол, начал быстро есть, явно торопясь меня обо всем расспросить сразу после трапезы, и тут бабуля спросила:

– Орон, а что, Руи никак не уговорить?

Отец есть перестал, тяжело вздохнул и нехотя ответил:

– Я с ней разберусь. Сам. Единственное – хороший мужик Радган. Хороший, хозяйственный, смелый и благородный, а без благословения главы рода Дэя дом родительский покинуть не может. Потому и терплю... – папа ко мне повернулся. – Ты с женихами познакомишься, посмотришь, коли люб кто будет, так тому и быть, а если нет... разгону всю эту...

Ругаться при нас с бабушкой отец не стал, но места пауз явно мысленно были заполнены отборными выражениями. И тут я на бабулю смотрю, она на меня, она же и сказала:

– Орон, опоздали вы со сватовством-то, ты на Дэюшку погляди – глаза сияют, щечки розовеют, а сердечко уже ей не принадлежит...

Вот после этого у папы аппетит пропал напрочь. Он от себя даже миску с недоеденной похлебкой отодвинул, затем ко мне всем телом развернулся и тихо произнес:

– Просто скажи мне, что это не какой-нибудь лорд!

«Лорд» – это у папы после всего случившегося слово ругательное. Я и постаралась мягко обойти происхождение лорда-директора, туманно заявив:

– Это маг. Один из лучших... – И под пристальным взглядом папы добавила: – В Ардаме.

Папу информация не впечатлила, он насупился, взглядываясь в меня серыми, как лед на реке, глазами, и продолжил допрос:

– А он... о твоих чувствах знает? – И так как я тут же покраснела, пояснил: – Дэюшка, ты у меня сокровище, но мало кто из мужчин способен это разглядеть. И если тебя не оценили, ты мне только скажи, я этого мага...

– Он сделал мне предложение! – выпалила я, прежде чем отец развил тему убийства лорда Тьера.

У папы на лице такое недоуменное выражение появилось, а потом он грустно спросил:

– А ты?..

– Я... согласилась. – Ну да, знаю, без разрешения родни, и в частности, тети Руи права я не имела, но... – Я люблю его, а он меня... кажется.

– Кажется? – отец невесело усмехнулся и протянул: – Да-а, повезло кому-то. Мужик хоть достойный?

– Достойнее не бывает, – протянула бабуля.

Но папа моего ответа ждал, я и ответила:

– Он добрый очень, хотя с виду не скажешь, но, если помощь нужна, он не пройдет мимо.

Отец кивнул, произнес:

– Да, достойный человек.

– И он очень благородный и заботливый.

– Тоже хорошо, – родитель сурово ждал продолжения.

– И, – я невольно улыбнулась, – он ответственный очень. Если ему поручат дело, он его выполняет на совесть.

Некоторое время в бабушкиной избушке только свечки потрескивали, да в печи огонь гудел, значит, мороз ночью усилится, а потом папа сказал:

– Вот начни ты говорить, что он сильный маг или красивый на лицо, я был бы против, Дэя. Но ты в человеке главное увидела – добро в его сердце да ответственность за свою силу, значит, мужик достойный. Когда знакомить будешь?

Папа, одним словом.

– Через пять дней он должен приехать, пока занят очень, – призналась я.

– Угу, – отец задумчиво кивнул, – магов и карету он нанял?

– Он.

– Ответственный мужик, – уважительно произнес отец, – тебя намного старше?

Никогда не задумывалась о возрасте лорда Тьера, но точно знаю, что:

– Старше... – призналась я.

– Богат? – ну и вопросыки у папочки.

– Д-д-д-а... – Кажется, и про лорда придется сказать.

– Ну, – отец притянул обратно миску с похлебкой, – главное, что не лорд. Вот был бы лорд, Дэя, я бы его и на порог не пустил, а так, видимо, мужик хороший.

Мы с бабушкой переглянулись.

Бабуля осторожно и сказала:

– Орон, не все ж лорды плохи-то, и среди них достойные люди встречаются...

– Нет! – отец даже ложку на стол бросил. – Нечего дочери охотника делать за лордом! Может, сам лорд и достойный человек, да ни семья, ни родные, ни общество не примут никогда девушку из простой семьи работяг. Так что за лорда бы никогда не отдал. А если маг

да человек достойный, отчего не согласиться.

Он вернулся к похлебке, я натянула перчатку на руку, но молчать не стала:

– Папа... он лорд... – на отца не смотрела, но почувствовала, как он мгновенно напрягся, и все равно сказала: – Ты, конечно, прав – мне тяжело будет жить с тем, чье положение столь высоко, только... Риан никогда не даст меня в обиду никому, даже императору.

И выговорив все это, я уставилась в свою тарелку с похлебкой, ожидая слов отца. Хоть каких-то слов. Папа помолчал, а затем хрипло начал рассказывать:

– Лорд Градак не только с нами так поступил, Дэя. В Загребе не афишировалось, но, когда лорд-директор из твоей академии этим делом занялся, вскрылось девять... Девять подобных договоров, Дэя!

Я дышать перестала.

А папа продолжал:

– То, что вашу академию перевели в военные, и вся эта кутерьма с честью адептов государственного учреждения – благословение Бездны, Дэя. Уж не знаю, как ваш лорд-директор узнал о долговом рабстве, но за что зауважал мужика – лорд Тьер не только твое дело отстоял. Когда вскрылось, что поверенный чиновник Градака уже заключал подобные договоры, ваш лорд Тьер... он же все дела поднял. Он взял офицеров Дневной стражи, сейф был открыт, документы опечатаны. – Отец сжал кулаки. – Девять девчонок, Дэя, в лапах этой мрази побывали! Ты могла стать десятой!

Я потрясенно смотрела на отца, бабушка тоже. Из-под лавки, прижав ушки, выглянула Царапка.

– В Загребе десять домов отстроенные стоят, – глухо продолжил отец, – да только в нашем нет горя. Это ты у нас умненькая, не побоялась все бросить и на учебу пойти, а остальные... – он снова тяжело вздохнул. – Соседи говорили: «В услужение пошла», а что там творилось, только те девочки и знают. Когда помоложе, он к себе брал, а вырастали – в служанки шли. Страшно подумать, Дэя, страшно...

Поверить не могу! И Риан мне ни слова не сказал!

– Но... – у меня слов не хватало, – но по-чему...

– Все по-разному, – папа тяжело вздохнул, – все по-разному, Дэюшка, кто не мог денег собрать, а кто дочкой попросту откупился. Одно радуется – нет больше лорда Градака.

– Как нет? – я снова села ровно, удивленно глядя на отца.

– Так директор ваш под суд его отдал, – папа усмехнулся. – Ох и видела бы ты рожу нашего лорда земли, когда ему сумму компенсаций зачитали. Та, что нам пошла, – меньшая из всех, да я не жалею, им за горе плачено, я таких денег не хочу.

– Так, а с лордом что? – вмещалась бабуля, которая тоже всю историю слышала впервые.

Отец пожал могучими плечами и насмешливо ответил:

– После выплаты всех денег у него мало что осталось, но ваш лорд-директор на этом не успокоился. Вызвал его на суд Чести, обвинив в поведении, порочащем звание аристократа Темной империи и, используя свои полномочия, лишил титула. Лорд Градак побелел в мгновение. Оно ж как, – папа улыбнулся, – оно ж ему с рук сошло бы, да Градак по глупости пообещал после суда, что до тебя доберется. Вот после этого директор ваш его и уничтожил, титула лишил, положения да в ссылку отправил. Как я понял, оттуда не возвращаются. Хотя как лорд Тьер услышал – ума не приложу, Градак все это мне шепотом сказал.

Ну, с великолепным слухом магистра мне уже довелось иметь дело. Впрочем, сейчас не

слух Риана интересовал меня.

– Папа, – мы с бабулей опять переглянулись, – а ты... с лордом Тьером беседовал?

– А как же, – отец кулак сжал, – вот такой мужик! Мы ж после суда в Загреб приехали, выпили, посидели, я ж ему про все рассказал, а он мне про то, что Градак уже никогда не вернется. Хороший мужик директор ваш.

Все, думаю, сейчас точно скажу, но тут отец добавил:

– Так вот о лордах, Дэя. Мой ответ только – нет! Потому что растут они в полнейшей вседозволенности, творят, чего хотят, а женщина для них... Единственная женщина для них – это жена, с ней как с богиней, а сами втихаря все на простых девок заглядываются, их в спальни свои тягают. За лорда не отдам, Дэя! Я все сказал!

Такой поворот событий меня совсем не устраивал, и я попыталась возразить:

– Папа, я...

– Три дня, и Руи уберется, – оборвал меня отец, – потом жду твоего лорда, но учти, Дэя, плохому человеку не отдам. В глаза ему посмотрю – если душа темная, пусть он хоть сам император, не отдам!

– Хорошо, папа. – Я опустила голову, скрыв улыбку, и решила, что кого-то ждет сюрприз. И кажется, приятный.

По крайней мере, есть надежда на это. А пока...

– Папа, что мне делать с женихами? – решила спросить я.

– С двумя сам поговорю, жаль, у тебя с Радганом ничего не выйдет, хороший он охотник, – отец вернулся к похлебке, – а вот кузнец мне не нравится, но его Руи притащила...

К сожалению, именно с кузнецом и возникли проблемы.

Когда мы с папой вернулись домой, на дворе уже были накрыты столы для мужчин, а в доме для женщин, потому что зима и нечего матерям, как настоящим, так и будущим, на морозе дрожать. Женихов же, как и полагается по традиции, усадили по главе трех столов, и каждый с родней человек в двадцать прибыл.

Родственникам жениха, кстати, до сватовства с невестой говорить не полагается, но, едва я вошла в калитку, ко мне со всех ног бросилась девочка лет пяти, с разбегу обняла, вскинула светлую головку, посмотрела на меня синими глазищами и спросила:

– А ты будешь моей мамой, правда?

Я оторопела, но вмешался отец. Наклонившись, подхватил малышку, подкинул ее, визжащую от восторга, вверх, поймал и строго сказал:

– У тебя своя мама есть, Кину. А сейчас беги к папе быстро-быстро, как ветер. Сможешь?

Малышка кивнула, и, едва ее поставили на ножки, бросилась к огромному, самому здоровенному из всех присутствующих, мужику.

– Грязно Руи играет, очень грязно, – тихо сказал недовольный отец.

Больше он произнести ничего не успел – к нам величественно подошли три моих жениха: кузнец Горт, охотник Радган из папиного хорда, то есть охотничьего круга, и булочник Окр. Что Горт, что Окр смерили меня не особо довольными взглядами – видимо, ждали кого помоложе да посвежее, а вот Радган смотрел приветливо, едва улыбку сдерживая. Чем-то он мне папу напоминал. А из дома уже спешила тетушка, чтобы, как велит традиция, представить невесту женихам...

«Сейчас начнется», – подумала я.

Но папа удивил:

– Сначала я с ними поговорю, – уверенно произнес он, заступая вперед и закрывая меня от тети. – А после представишь как глава рода Риате.

Тетку я не видела, но сопение перекрыло даже шум начинающейся метели. Однако отец не стал ждать ее слов и произнес:

– Благословения не дам ни одному из вас.

Пауза. Хорошо, что я позади папы стою. В абсолютной тишине мимо нас прошел булочник Окр и за ним все его родственники. После, также в молчании, охотник Радган, но, когда он мимо проходил, папа придержал его, положив руку на плечо, и тихо сказал:

– Без обид, Радган, я всего не знал, а тут обстоятельства изменились.

– Да понял я, – так же тихо ответил охотник, – заходи завтра, расскажешь.

Вот так наш двор покинули два жениха, но не кузнец! Он остался стоять непоколебимой тушей, и он же сказал:

– Мне обещали жену!

Тут уж тетка Руи и запела, разлилась широкой рекой, обратилась гиблым болотом. И не остановишь ведь – глава рода, все дела по бракосочетаниям она ведет, впрочем, и за разводы с нее спрос. И расписала она меня честь по чести, да и кузнеца представила так, что он вообще чуть ли не за руку с императором, по ее словам, здоро-вался.

И стояла я на морозе, без права прекратить весь этот балаган, нехотя слушала, а тут к ноге кто-то прижался. Голову чуть опустила, увидела Счастливого. По традиции я должна была стоять, скромно потупившись, и ничего более, но я все же наклонилась, подняла котенка, и тут же услышала:

– Брось эту мяукающую пакость!

Молча выпрямилась, прижимая котенка к груди, в упор посмотрела на тетю Руи и поняла, что моему терпению сейчас придет конец...

– В дом иди, – тихо сказал отец, предотвращая назревающий скандал.

* * *

К сожалению, в тот вечер мне не удалось пообщаться ни с мамой, ни с сестрами, пришлось переодеваться, спускаться вниз и изображать гостеприимную хозяйку. Две мои сестры были на сносях, третья с маленьким ребенком на руках, и вокруг столов бегали мы с Сирой и мамой. Тут уж не до разговоров.

А потом началось:

– Какая ты, Дзя, быстрая да сноровистая, хорошая жена будет нашему Горту, – заявила полная женщина, что с тетей Руи сидела во главе стола.

Нет, свекромонстр определенно мне нравилась больше, там хоть было с кем поговорить.

– Спасибо, темнейшая, – вежливо ответила я.

– А Дзя будет моей мамой? – капризно спросила та девочка, что подбегала ко мне во дворе.

– И приданое за ней богатое, – вступила в разговор тетя, – а то, что старовата... так и Горт не молод.

– И то верно, – поддержала мать кузнеца.

Моя собственная мать так и застыла с ковшом в руках. Но две сплетницы не угомонились:

– Подумаешь, ученая, тьфу, позор на наш род, – разорвалась тетя Руи, – Горт мужик справный, быстро всю дурь из головы выбьет.

Мама и так едва сдерживалась, а уж после этого, перехватив кувшин покрепче, направилась к тете Руи... Я, бросив поднос Сире, метнулась к ней и перехватила в трех шагах от тети.

– Мамочка, – кувшин у нее быстро забрала, – тебе бы прилечь, правда. Набегалась сегодня явно.

– Молодая еще, – важно заявила тетя Руи, – пусть побегает!

И все! Больше я терпеть не стала:

– Ассе кьерте уэме сао такьтян такэсо, – слова были произнесены шепотом, смотрела я при этом на тетку, которая в очередной раз опустошала кружку со сливовицей...

К сожалению, это не было проклятием острого поноса, так как, увы, тетка быстро обвинила бы маму в попытке отравления, зато проклятие мгновенного опьянения не менее действенно выводит противника из строя.

– Ой, – тетя оторвалась от кружки, – и что это мне та-ак хорошо стало... Ик...

В следующее мгновение туша сползла под стол, пьяно хихикая. В абсолютной тишине все присутствующие проследили за процессом сползания и смущенно отвернулись, едва Руи захрапела, да так, что начали дрожать стекла и посуда на столе.

Прости, тетя Руи, это меньший вред, который я могла причинить.

– Схожу за дядей, – сказала я и направилась во двор.

Невероятно – впервые сделала гадость ближнему, но почему-то совсем не сожалею об этом. Правда, выходя, украдкой огляделась – воды нигде не было, кроме как в кадке с цветами, но ту я вылью быстро; на Счастливику проклятие не оказало никакого действия – а нормальная кошка сбежала бы сразу, ну и плесени в нашем доме никогда не было, так что и следов моего преступления не осталось. Почти... не забыть ночью воду стоячую вылить.

Выйдя во двор, поежилась, оглядывая творящееся безобразия, – мужчины себя в выпивке не ограничивали и уже были в том состоянии, когда даже замерзшее мясо с удовольствием грызли, не замечая поскрипывающего на зубах льда. Папа с дядей сидели во главе первого из столов, кузнец во главе второго, третий унесли, когда два моих женишка ретировались. И я представляла, во сколько родителям обошлось это «сватовство», не зря у нас невесту сразу замуж отдавали – свадьба и то дешевле.

Обхватив плечи руками, направилась к отцу и дяде Лусу, обходя стол с кузнецом и его роди-чами.

То, что произошло дальше, могло бы случиться в заведении Бурдуса, но никак не на сватовстве – проходящую мимо кузнеца меня схватили, и в следующее мгновение я оказалась сидящей у него на коленях. Мои родственники все как один вскочили с мест, и куда только опьянение делось, зато кузнецы загоготали да по столу застучали, одобрительно родича поддерживая. Я же начала возмущенные попытки вырваться, как услышала его тихое:

– Я тебя об одном прошу – не отказывайся от помолвки до третьего дня, Дэюшка. Потом уйду, про тебя забуду, но до третьего то дня, Бездны ради, Дзя...

Отец уже шел к нам, дяди тоже, братьям не по статусу вмешиваться было, а я смотрела на кузнеца, который умолял взглядом и...

– До третьего дня, – сдаваясь, прошептала я, – а дальше чтобы я вас не видела!

Кузнец отпустил мгновенно. И только прошептал мне в спину: «Спасибо, Дэюшка».

Знала бы я, на что согласилась! Но тогда, сообщив дяде о случившемся с Руи, я как-то не

задумалась. Да и последующие два дня сплошного накрывания и убирания столов, в перерывах между приготовлением огромного количества еды, как-то не до этого было. На сон едва времени хватало. И третий день тоже мало чем отличался – разве что с утра тетка нагрязнула, с подарочком.

– А я к тебе, – заявила Руи, вваливаясь в мою комнату как раз в момент, когда я переодевалась.

Торопливо прикрывшись простыней, я изобразила вежливую улыбку и пробормотала:

– Темных дней вам, тетушка.

– Да ты садись, не стой, – грубовато приказала она и сама уселась на мою постель, игнорируя ее жалобный скрип. – С разговором я к тебе, Дэюшка.

Я села. Приготовилась слушать. Услышала много нового про «замечательного кузнеца Горта», про то, что он уже внес выкуп за меня, и внес золотом, а значит, тетка все решила. Смотрю на нее и слушаю молча... все равно никогда не соглашусь!

– Молчишь, Дэюшка? – ехидно спросила тетя.

Молчу, исключительно потому, что говорить не хочется и дышать тяжело, потому как перегаром от тетушки разит. Ей, как выяснилось, проклятия мгновенного опьянения в самый раз пришлись... Я пять раз применяла, так трезвеет же через несколько часов.

– Вот ты молчишь, – продолжает тетя, – а я тебе вот что скажу – брак ваш с кузнецом дело решенное.

Опустив голову, пытаюсь скрыть улыбку.

– Ты мне не улыбайся, – Руи поднялась, – ты одевайся, не торопись, да к нам спускайся, будем обряд проводить.

– Какой? – я все же заулыбалась.

– Обручения, Дэюшка. Я слово главы рода дала, так что либо ты за кузнеца пойдешь, либо Сира.

Недоуменно смотрю на тетку, та пояснила:

– Слово главы рода, Дэя, да и выкуп за тебя я приняла, так что...

Прижимая покрывало к груди, я решительно произнесла:

– Вон из моей комнаты!

У тетки от удивления рот приоткрылся, а я повторила:

– Вон!

Руи подскочила, уже собиралась возмущенно заорать, как я добавила:

– С кузнецом сама поговорю, это первое. Никаких обручений ни со мной, ни с Сирой. – Тетка руки в боки и уж собиралась возмутиться, как я добавила: – Проклянута так, что не снимите!

Метнувшись к двери, Руи рванула ручку, и только тогда я сказала:

– Еще сегодня я в невесту поиграю, чтобы скандала не было, а вот завтра чтобы вас тут не было.

Дверь закрылась. Тетя повернулась ко мне, толстые руки на мощной груди сложила и спросила:

– С кузнецом говорила?

Молча кивнула. Тетка недовольно скривилась и пробормотала:

– Опозорю ведь, Дэйка.

– Проклянута.

Вернулась, начала жаловаться:

– Ты пойми, Дэюшка, кузнец большие деньги дал, а у дяди твоего дела совсем никак не идут и...

– Да? – наверное, я стала более жестокая. – Были времена, когда и мы в деньгах нуждались!

Папа нам ничего не рассказывал, но точно знаю, что к дяде ездил, а вернулся злой, потом услышала, как маме признался: «В радости все рядом, в горе один-одинешенек остаешься».

– Платье надень, – тетя опять к двери направилась, – перед родней Горта не позорь меня, а я не расскажу твоей семье, что мне одноклассница твоя поведала.

– Это какая? – не поняла я.

Руи и ответила:

– Ригра Дакене.

* * *

Вот так и вышло, что в тот вечер я в светлом платье невесты с венком на распущенных волосах (и где только достали) стояла перед всей родней в общей комнате да слушала кузнецовы обещания. Третий день, это так всегда – женихи расписывают, как невесте у них хорошо и привольно будет, да что отдаст за жену семье ее. Народу было немного – только все старшие. А молодежь – кто столы во дворе накрывал, а кто наверху в игры играл. Размер выкупа потрясал воображение, кстати. А мастер Горт все говорил и говорил:

– Золотом отдам триста монет. – Тетя, стоящая, как и полагается, рядом со мной, чуть не свалилась – дядя поддержал. А Горт продолжал: – Мечи краснокаленные, каждому мужчине рода Риате.

После этих слов дядя на меня сурово так посмотрели – меч вещь дорогая, а уж краснокаленные, это значит со стержнем из красного металла, что добывался в Хаосе, такой не в каждой семье и найдется. Хорошо, что братьев нет рядом... Хотя и так народу хватало. Справа от двери – родственники Горта, уже неодобрительно на него поглядывающие да дуростью вполголоса возмущающиеся, слева – мои родичи насмешливо на кузнеца смотрят и тоже дурости поражаются. Потому что где это видано, чтобы за перестарка да такой выкуп давали. А Горт говорил, говорил... На меня, впереди всей родни стоящую, смотрел и мне же и говорил. Наверное, думал, что, впечатлившись размером выкупа, я согласие дам. И я начала понимать, почему он сказал: «Я тебя об одном прошу – не отказывайся от помолвки до третьего дня, Дэюшка. Потом уйду, про тебя забуду, но до третьего то дня, Бездны ради, Дэя...». Купить хотел. Просто купить. Видно, не привык отказов получать, да и не умел иначе. Кузнецы народ богатый, особенно те, кто правительственные заказы получает, а семья Горта к императорской артели относилась.

Закончив говорить о том, что хозяйкой в городском его доме стану и на расходы двадцать золотых в год получать буду, кузнец вопросительно уставился на меня. И все на меня уставились. Забавно, раньше я о таких деньгах и не слышала, но Юрао научил своей верной финансовой политике, и потому я решительно начала:

– Уважаемый мастер Горт...

– Даже не думай отказываться, – прошипела тетка.

– Мечи то краснокаленные! – Дядя Ирв, средний в папиной семье, видимо, уже

представлял, как этот самый меч в руках держит.

И только папа меня поддержал:

– Говори, что хотела.

Я с благодарностью улыбнулась отцу, набрала побольше воздуха, решительно подошла к кузнецу и только собралась высказать все, что я по этому поводу думаю, как дверь нашего дома распахнулась!

Как и все присутствующие, я повернулась к входу, да так и застыла – на пороге, собственной персоной, стоял лорд Риан Тьер!

И я почему-то побелела, в ужасе думая о том, что сегодня же не пятый день, а он все творящееся безобразия обвел взглядом, а затем этот черный взбешенный взгляд остановился на мне.

Ой, Бездна!

Но случившееся дальше оказалось просто за гранью!

Не успела я ничего сказать, как кузнец меня собой загораживает и заявляет:

– Ты куда устался, мужик? Неча мою невесту пугать!

Лорда-директора я видеть не имела возможности, но его едва слышное и пугающе спокойное «Что?» расслышала.

И помолчать бы кузнецу, так нет же:

– Я говорю, нечего пугать мою невесту. Дэюшка у меня нежная, а у вас на роже черные вены вздуваются.

Ой, Бездна! У меня от ужаса дар речи пропал напрочь!

Но все оказалось хуже, потому что еще и тетка Руи вмешалась:

– А вы, собственно, кто, милейший?

– Я кто? – глухо переспросил магистр.

Тут уж я с силами собралась, торопливо из-за кузнеца вышла, но папа дар речи себе быстрее вернул:

– Лорд Тьер, – и поспешил ко все еще стоящему в дверях магистру, – рады видеть вас.

– Правда? – не скрывая сарказма и не отрывая взгляда от меня, поинтересовался Риан. – Может, меня здесь еще и ждали?!

Папа от такого немного стушевался, на меня оглянулся, и не знаю, что он на моем лице увидел, но приободрился после этого сразу и уже радушно продолжил:

– В этом доме всегда рады видеть уважаемого лорда-директора академии, в которой учится моя доченька. Проходите, лорд Тьер, у нас сегодня... э-э-э... событие, но все уже закончилось почти, сейчас за столы сядем.

Магистр не двинулся с места. И продолжая пристально смотреть на меня, у меня же и спросил внезапно осипшим голосом:

– «Лорда-директора»?

Я хотела бы хоть что-то ответить. Хоть как-то... а не могла сказать ни слова. Нелепость всей ситуации, откровенный испуг и... в результате я лишь открыла рот и вновь закрыла его.

Но кое-кому уже и ответа не требовалось.

– Лорда-директора, значит, да? – Риан стремительно вошел в дом и дверь за собой закрыл...

Да так закрыл, что дверь сломалась и повисла на петлях грудой досок. Магистр этого даже не заметил. Он, казалось, видел только меня.

– А не удалите ли вы, «адептка Риате», несколько мгновений вашему «лорду-

директору»?! – прошипел он.

Это не было вопросом, это было требование, чего Риан даже не скрывал. А тетка Руи еще и возмущенно так подлила масла в огонь:

– Что, по учебе что-то, да? Так мне и сказали, что Дэйка плохо учится!

Магистр оторвал взгляд от меня и мрачно посмотрел на тетку. Руи вздрогнула, побелела, попыталась просипеть что-то, а в итоге спряталась за спину дяди Луса, громко всхлипывая там.

– Ну?! – Лорд-директор вновь повернулся ко мне.

– Д-д-д-а... к-к-конечно, – пробормотала я и поспешила к лестнице на негнущихся ногах.

Почему я именно в свою спальню направилась – не знаю, наверное, в том состоянии я и думать не могла, хотя и дальнейшие события мыслительному процессу не способствовали.

* * *

И вот я опять на лестнице, кузнец уползает по дороге, а злой Риан стоит внизу, и меня явно ждет малоприятный прилюдный разговор:

– ДЭЯ!!!

По лестнице я спустилась, как осужденный на казнь, остановилась на последней ступеньке, испуганно посмотрела на присутствующих. Фактически с места никто и не сдвинулся, все так же справа от двери стояли уже потрясенные родственники жениха, слева мои. Посередине, между правой и левой толпой, возвышался взбешенный магистр, стремительно расстегивающий непроницаемо-черный плащ.

– Долго там стоять будешь? – зло поинтересовались у меня.

Медленно стянула с головы венок... он упал к моим ногам как главный атрибут творящегося идиотизма. Осторожно перешагнула через него, с трудом совершая каждый шаг под пристальным взглядом лорда Тьера. Магистр снял и отшвырнул плащ, и тот, совершив полет, упал на скамью у печи. В следующее мгновение сильные руки были сложены на мускулистой груди, и вообще весь вид Риана выражал готовность меня выслушать.

Еще бы знать, что говорить.

– Про кузнеца ты мне наедине расскажешь, – прошипел Риан, и его черные глаза сейчас казались чернее угольно-темного костюма лорда-директора. – А сейчас я просто жажду представления твоим родственникам!

Ой, Бездна...

Отец, видимо решивший, что с его дочери уже хватит на сегодня, подошел к магистру и дружелюбно сказал:

– Да я и сам могу представить вас, лорд Тьер! Уважаемые друзья, это...

Риан оборвал его холодным тоном:

– Боюсь, ваша осведомленность оставляет желать лучшего, мастер Риате, да, Дэя?

Вот теперь и папа пристально посмотрел на меня, как, впрочем, и все присутствующие.

И отец смотрел, смотрел, а потом:

– Лорд?! – удивленно выдохнул он.

– Тьер, – покаянно созналась я.

– Тьер?! Лорд-директор Тьер? – переспросил отец.

Я молча кивнула.

Потом медленно стянула перчатки, причем сначала правую, левую напоследок оставила, и все увидели кольцо. Тетка Руи грохнулась в обморок. Со стороны родственников жениха на пол, судя по звуку, повалился кто-то столь же массивный. Вероятно, мать кузнеца.

А я стояла в абсолютной тишине, потому что тетку даже никто не кинулся поднимать, и, опустив голову, с ужасом ожидала продолжения.

Продолжением стали откровенно насмешливые слова Риана:

– Все не так уж и страшно оказалось, да, Дэя? И в обморок только две женщины свалились, а ты мне всеобщий провал в бессознательность обещала.

Подняв виноватый взгляд на магистра, я пробормотала:

– Это потому, что я еще не сказала, что уже дала согласие на брак, а еще не упомянула, что ты, Риан, Первый меч империи, член ордена Бессмертных и племянник императора...

Падающего в глубокий обморок дядю я никогда не забуду!

Остальные почему-то устояли, но скорее всего потому, что им в отличие от дяди падать было не на что. Лорд-директор проследил за моим рухнувшим родственником, повернулся и укоризненно посмотрел на меня. Да, мне было стыдно еще и потому, что папа с мамой то переглядывались между собой, то на меня смотрели, да и вообще вся ситуация...

– А теперь можно и про «жениха», – напомнил Риан.

Я чуть не заплакала, и, заметив это, магистр стремительно преодолел разделяющее нас расстояние, обнял мое лицо, взгляделся в уже мокрые глаза и мягко, как умел только он, спросил:

– Просто скажи, кто тебя заставил. Уверен, это не твоя инициатива, так что просто скажи кто.

И я вдруг поняла, как сильно устала за эти три дня. Как гудят перетруженные ноги, как болит спина, да и голова раскалывалась от постоянного шума, а еще я так измаялась из-за всех условностей традиционного приема родни... И шагнув к Риану, я просто прижалась к нему, спрятав лицо у него на груди, и улыбнулась, едва меня нежно обняли.

– Все собрались еще до моего приезда, – прошептала я, – тетя сговорила с мастером Гортом заранее. Как глава рода она имела право, и... Папа сказал сразу, что не даст благословения, два жениха ушли, а Горт... – тяжело вздохнув, сказала уже громче: – Я так поняла, что дядя уже взял деньги за мой выкуп...

Тишина, затем очень-очень спокойное:

– Какая именно «тетя»? Конкретно.

«Хорошо, что Руи в обмороке», – подумала я.

И тут услышала, как кто-то сбегает на четвереньках. Я не понимала, кто, стуча по полу, торопится к выходу, пока не услышала слова Риана:

– Так это та самая «милейшая», что сетовала на твою плохую успеваемость?

Судя по звукам, тетя ускорила шаг. Не могу сказать, что я осуждала ее бегство, – учитывая, кем являлся лорд-директор. Самое забавное, что вслед за тетей, стараясь держаться ближе к стеночке, сбежали все родственники кузнеца. Вот их бегство я видела – когда так массово скрипят половицы, это уже интересно, и я все же оглянулась. Так вот, род Горт, торопливо и не прощаясь, нас покинул.

Вскинув голову, посмотрела на Риана. Магистр реакцией гостей не был ни удивлен, ни оскорблен, скорее наблюдал привычное для него явление, чуть сдержанно улыбаясь. Заметив мой взгляд, улыбнулся чуть шире, наклонился и осторожно поцеловал в кончик носа.

И столько нежности в этом прикосновении... А потом насмешливое:

– Трусишка.

Я даже спорить не стала, вновь прижавшись щекой к его груди, понимая, что готова так стоять и стоять... пока мама не позвала:

– Дэя...

* * *

Столы накрывали в доме. Ради высокого гостя, по сути. И забавно было наблюдать, как этот самый высокий гость вместе с мужчинами нашего рода столы носит да дверь ремонтирует. Но забавным это зрелище казалось только мне, мама, сестры, тети потрясенно смотрели на лорда Тьера и поверить в происходящее не могли. Меня со всех сторон заваливали вопросами:

– ... Племянник самого императора?

– ... Ух, Дэя, это как вы так?

– ... И что, любит?

– ... Правда, Первый меч империи?

А мама не спрашивала, мама просто возмутилась:

– Почему сразу не сказала?!

Ответить мне на это было нечего, но потом еще и отец, и с тем же:

– Почему ты мне не сказала?

Поймал меня папа на кухне, там, где Риан не видел, и пришлось отвечать самой. Я и ответила:

– Зато бабушке сказала.

Отец огляделся и спросил:

– Кстати, где моя любимая теща?

Мама от плиты отошла, начала мять передник, что у нее всегда крайняя степень смущения, и виновато:

– Так... только род Риате...

– Род?! – папа был зол, и, несмотря на то, что на кухне присутствовали и жены его братьев, и родные сестры, громко и отчетливо произнес: – С меня хватит «рода»! У меня есть семья, и я всегда рад видеть своих братьев с женами и сестер с мужьями, но Руи больше на порог моего дома не ступит! А за тещей сам схожу.

И он вышел из кухни, а потом я услышала его:

– Лорд Тьер, а вы знакомы с моей тещей? Идемте, тут рядом совсем.

Мама не придумала ничего лучше, чем опять в упор смотреть на меня, потом нервно сказала:

– Я ночи не спала, все думала, что останешься одна-одинешенька после своей академии, все уши Орону прожужжала, что, мол, «как наша Дэюшка, как наша старшенькая», он и с Радганом поговорил, да мы думали, свяжем вас вместе... Сказать нужно было, Дэя, просто сказать!

И стою я посреди кухни, а все женщины с осуждением на меня смотрят, одна Сира подошла, впереди меня встала и как выдаст:

– А кто б поверил? До сих пор не верится же!

Устами младенца...

– Спасибо, сестричка, – я наклонилась, обняла ее.

– Да чего уж там, – Сира мгновенно важностью переполнилась. – Я слышала, как папа тихо дяде Нору сказал, что этот лорд хороший мужик. А папа, он в людях разбирается... и в мясе!

И как-то после этого все расслабились, рассмеялись тут же и уже с улыбками продолжили готовить.

* * *

Столы накрыли, как и полагается, – в одной стороне для мужчин, в другой для женщин. Без окриков тети Руи все как-то быстро и легко работу закончили и уже ждали только папу с бабушкой, ну и лорда-директора тоже. На меня смотрели отовсюду, на кольцо особенно. Кольца у нас не носили – в условиях Приграничья безопаснее были браслеты, их-то и надевали новобрачные. А я с колечком, это как напоминание, что не за местного замуж выхожу.

Потом открылась дверь, вошла бабушка, за ней Риан с корзинкой, и следом отец. Бабуля мне подмигнула, отобрав у магистра корзинку, тут же на кухню отправилась, мама за ней. Ну и я следом.

Захожу, а мама бабушку обнимает, сама плачет, бабуля же спокойно так:

– Хороший он, Эриса, добрый, Дэю любит, ну чего же ты?

– Ма-ама, – мамуля слезы вытерла, – а ты мне почему не сказала сразу?

– Так разве у тебя время было? – возмутилась бабушка. – Или место, от ушей свободное? Дэя ждала, пока разъедутся все, потом сказала бы, его ждали только на пятый день. А я в дом ни ногой, пока тут Руи. Ты меня знаешь – я б молчать не стала, а оно надо – скандал в доме?

И, поглаживая маму по спине, мне сказала:

– А я пирожков напекла, думаю, приду завтра, порадую вас. Да сегодня свидеться удалось, так что пирожки с пылу с жару, давай-ка на поднос – и на столы. И поживей, мужик-то твой голодный совсем.

И почему-то после сообщения о том, что кто-то голодный, я действительно спешить начала. И все на поднос переложила, и, подхватив, поторопилась в общую комнату.

А там отец уже усадил всех мужчин за стол, женщины пока стояли, маму ждали как хозяйку, раз Руи нет. Я в первую очередь к мужчинам, быстренько пирожки поверх нарезанного хлеба поставила, и тут смотрю – магистр не ест. Все мужчины уже наливают да вовсю трапезничают, а Риан нет.

Подошла к нему, а лорд Тьер тихо так:

– Ты еще долго бегать будешь?

– Так... пирожки еще разложить нужно и...

Риан встал. Вышел из-за стола, забрал у меня поднос и пошел к женским столам. Все потрясенно и в абсолютном молчании проследили за тем, как магистр разложил пирожки поверх хлеба, после вручил поднос Сире, кратко приказав: «Унеси быстренько». А затем, вернувшись ко мне, лорд-директор властно взял за руку, повел к своему месту, усадил сначала меня, затем сел сам.

У некоторых из моих дядей кружки со сливовицей из рук попадали!

Дядя Ирв, первый кружку и упустивший, закрыл приоткрывшийся от удивления рот и осторожно намекнул лорду Тьеру:

– У нас в Приграничье на праздниках женщины отдельно от мужчин сидят...

Магистр невозмутимо взял тарелку, наложил мне туда мясного салата, немного тушеных овощей и все это поставил на стол передо мной. Затем сообщил потрясенным присутствующим:

– У нас праздник без женщин – это не праздник.

Вот после этого Риан и себе салата взял, и даже начал есть, а дядя продолжал знакомить лорда с обычаями Приграничья:

– По нашим традициям женщины должны за столом ухаживать за своими мужчинами, а не есть рядом с ними.

Лорд Тьер прожевал, сглотнул, запил вином, а после ответил:

– По вашим традициям Дэя после обручения уже фактически принадлежит моей семье, следовательно, подчиняется традициям рода Тьер. А в нашей семье мужчины не садятся за стол, пока не сядут женщины.

Пауза. Мои дяди и братья переглянулись, Риан добавил:

– Но даже без учета традиций лично мне просто приятно, когда любимая рядом со мной, а не мечется между столом и кухней.

И снова пауза, а потом вдруг папа как выдаст:

– И все же, пока Дэя подчиняется нашим традициям, я должен сообщить, что у нас, до свадьбы в родительском доме, невеста спит отдельно от жениха!

В ужасе смотрю сначала на папу, страшась даже представить, что он обо всем этом думает, потом на лорда-директора. Риан подавил улыбку, а в глазах смешинки остались, затем спокойно ответил моему отцу:

– Мастер Риате, понимаю, что вы, вероятно, наслышаны о традициях темных лордов и несколько... смущены имеющейся в вашем распоряжении информацией. Но, так как Дэя до свадьбы действительно подчиняется традициям Приграничья, гарантирую, что буду оберегать невинность вашей дочери до самого дня бракосочетания. Полагаю, на этом мы можем закрыть данную тему и более к ней не возвращаться.

Лично я густо покраснела, а вот папа напротив – как-то расслабился сразу, и ушло все напряжение. А потом отец скомандовал:

– Нэк, Аро, Тадер.

Братья тут же поднялись, а дальше... папа с братиками попросту взяли столы и перенесли их ближе.

– Из уважения к лорду Тьеру сегодня все исключительно по южным традициям, – весело объявил папа, взял маму за руку и потянул к своему столу. А чтобы места всем хватило, добавил: – Молодежь, пересели.

Такого в нашем доме еще не было. Да, пожалуй, и во всем Загребе. Но когда все расселись, выяснилось, что так намного лучше – дети сели отдельно, и им было весело, молодежь за свой стол, там смех вообще не утихал, я же осталась рядом с Рианом за первым столом, там, где и все взрослые. Правда, мы немного подвинулись, и теперь во главе стола сидели папа и мама, справа от них бабушка Дора и бабушка Айяр, по левую руку мы с магистром.

– Что тебе положить? – услышала я тихий вопрос лорда-директора.

Повернулась к нему и так и замерла, замороженная взглядом черных мерцающих глаз.

– Дзя, – с улыбкой позвал магистр, – родная, что с тобой?

Я промолчала, продолжая смотреть на него.

– Меня действительно рады видеть? – иронично спросил Риан.

– Действительно, – подтвердила я.

– Приятно слышать, – и, уже не спрашивая, мне на тарелку положили тушенных с овощами ребрышек. – Что-то еще?

– Нет. – Я не отрывала взгляда от магистра и даже про пополнение своей тарелки догадалась по запаху... просто я, когда их готовила, с перцем... перестаралась.

– Мм-м, – протянул Риан, пробуя эти самые ребрышки, которые и себе наложил, – обожаю перченое. Ты готовила?

Мои родственники, вкусившие сего блюда и теперь сидящие с красными лицами да все это активно вином запивающие, нацелили на меня разгневанные взоры. Особенно сердито взглянула бабушка Дора – ей перченое вообще нельзя. Риан понял, что зря вообще тему поднял и весело спросил:

– Осваиваешь южную кухню? У тебя великолепно получается.

На меня смотреть перестали, все уделили внимание лорду Тьеру, его же бабушка Дора и спросила:

– На юге любят перченое?

– На юге специи правят бал, – лорд-директор вежливо улыбнулся, и под его обаяние разом попали все присутствующие, потому как перестали кривиться после испорченного мною блюда и теперь зачарованно взирали на магистра. – И у нас меньше мясных блюд, в меню превалируют различные виды рыб, но, – еще одна улыбка, – лично я предпочитаю в этом плане кухню севера.

Папа разговор поддержал:

– Правильно, лучшая еда для мужчины – мясо! Лучшее мясо – дичь.

– А если еще и подкоптить, – мечтательно протянул дядя Ирв.

– Да с лучком, – подключилась тетя Лори.

И разговор плавно перетек в обсуждение способов приготовления мяса. Пользуясь тем, что за столом поднялся галдеж, я потянулась к Риану, он, заметив мое стремление, наклонился ко мне сам, вопросительно поглядывая.

– А ты... правда любишь перченое? – шепотом спросила я.

Лорд Тьер наклонился чуть ниже, ласково поцеловал кончик моего носа и трагическим шепотом признался:

– Терпеть не могу. Но... – он улыбнулся, – как ты готовишь, мне нравится.

Смущенно посмотрела на тарелку, которую магистр уже опустошил наполовину, покраснела и предложила:

– Я... другое мясо принесу.

Тихо рассмеявшись, магистр прошептал:

– Мне нравится, правда. Иначе бы не ел. Кстати, а что еще ты готовила?

Недолго думая, я потянулась к мясному пирогу. Делала я его по рецепту Тоби – в слоеном тесте запекалось мелко рубленное мясо с сыром и овощами. Родственники на пироги поглядывали, а брат не решались – еще помнили мои первые кулинарные попытки. Но когда я начала резать пирог и под лезвием ножа аппетитно захрустело тесто, все передумали.

– И мне кусочек! – потребовала бабушка Дора.

– Я тоже не откажусь, – не отставала от нее бабушка Айяр.

И тут мама поднялась и мне тихо сказала:

– Остальным я сама нарежу.

Так что первый кусочек достался Риану, второй мне, а потом уже резала мама, раздавая всем желающим. Зато когда магистр собирался откусить от пирога, осторожно придерживая его края, чтобы не вывалилась начинка, на лорда Тьера смотрели все. И ждали.

– Чувствую, что на мне лежит большая ответственность, – подмигнув мне, заметил лорд-директор.

Все рассмеялись, а Риан наконец попробовал. Закрыв глаза, словно пытаюсь ярче ощутить вкус, и вскоре произнес:

– Изумительно вкусно. Рецепт от Тоби?

Я не успела ответить, как в двери постучали. Стук был быстрым, ритмичным каким-то. И поведение лорда Тьера изменилось мгновенно. Риан отложил недоеденный пирог, встал и покинул дом моих родителей, плотно прикрыв за собой дверь.

Все мои родственники смотрели то на меня, то на дверь и снова на меня, явно ожидая хоть каких-то объяснений. Объяснений у меня не было, а сидеть и дальше под прицелом вопрошающих глаз отовсюду...

– Я сейчас, – сказала, торопливо поднимаясь. На вешалке у двери схватила пуховый платок и, набросив на плечи, вышла за дверь.

* * *

Некоторое время стояла на пороге, поеживаясь от каждого порыва ледяного ветра, и вглядывалась в темноту. Метель завывала все сильнее, из-за нее дома было совсем не видно, дует-то с севера, а вход у нас традиционно с восточной стороны, но вдруг сквозь вой ветра я услышала крик...

И крошечную мглу осветила яркая вспышка!

– Риан! – Я сорвалась с места, еще даже не совсем осознав, что делаю и зачем.

Промчалась по двору, на который уже намело снега до колен, выбежала на дорогу... Еще одна вспышка! Яркая, красно-фиолетовая... И грозное шипение... кошки! Правда, понять, почему я сквозь завывания ветра слышу кошку, я не могла никак.

– Риан!

Мой крик потерялся в ночи среди воющего ветра, хруста ломаемых деревьев и странного, нарастающего гудения... И все же меня услышали.

Взметнулось адово пламя.

Взметнулось вокруг меня, но не переноса, а лишь согревая, и почти сразу я ощутила прикосновение лорда-директора.

– Дэя, – нежное касание моей щеки, – зачем ты вышла из дома? Здесь холодно, зима все же, а ты не одета.

Шипение, хруст и крик, прорезавший вой метели. Знакомый крик, точнее, голос...

– Лорд Тьер, а что... – начала я и осеклась, едва на лице магистра появилась хитрая улыбка. – Прости... Риан, а что происходит?

Чуть склонив голову, лорд-директор ответил:

– Моя охрана обнаружила преступника, без меня не справились, пришлось помочь.

– Твоя охрана? – переспросила я.

– Обычно их задача – не попадаться мне на глаза, – сообщил магистр, – в исключительных ситуациях они это правило нарушают... Слуги императора, мне они не подчиняются.

Взрыв! Яркое, ослепительное пламя вырывается в небо, на миг превратив ночь в день...

И тишина.

– Мне нужно идти, – слишком спокойно произнес Риан, – она взломала контур.

– Она? – страшное подозрение закралось в сердце. – Царапка?! Кошка?

На лице магистра непередаваемое выражение изумления и в то же время злости, а я отступила из пылающего огнем круга и закричала:

– Царапка! Кис, кис, кис... Царапка!

Когда затряслась земля, меня это сильно удивило, но, когда в круг света от пылающего адова пламени ворвалось нечто страшное, оскаленное и окровавленное, я не могла и подумать, что это наша старая, домашняя кошка... Но именно нашей Царапкой чудище стало, едва прыгнуло мне на руки. Это было страшно – монстр отталкивается и прыгает, а ловлю я уже Царапку!

– Я убила, – простонала кошка, прижимаясь ко мне, – но у меня не было выбора, клянусь...

Из темного леса в круг света шагнуло семеро... к живым они не имели отношения. Пустые глазницы, почерневшие черепа, изодранные плащи... Получается, император ничего умнее не придумал, чем приставить в охрану к родственнику гончих?! Эти духи способны веками преследовать жертву, они никогда не теряют след, и их практически невозможно уничтожить.

Пламя вспыхнуло на пути гончих, отрезая меня от страшного зрелища... Но не менее жутко было и услышать:

– Государственный преступник. Приговор – уничтожение!

Царапка дрожала всем телом, и я не выдержала:

– А что за преступление?

И вот тут меня потряс один факт – они промолчали! Царапка тоже ждала ответа и, не дождавись, посмотрела на меня. Я на лорда-директора. Риан ответил задумчивым взглядом. Причина замешательства была проста – гончие всегда говорят, за какое преступление был вынесен приговор! Всегда, а сейчас молчали.

И магистр принял решение:

– Возрожденный дух переходит под мою защиту.

Один из гончих шагнул ближе и прохрипел:

– Запрещается. Государственный преступник должен быть передан под...

Пламя, преграждающее их путь, внезапно приобрело синий оттенок, в следующее мгновение охватило гончих... Сожжение заняло несколько мгновений, после чего гончие, ставшие кучками пепла, были развеяны метелью, и стоять остались лишь разъяренные призраки, которые уже никому не могли причинить вред.

– Начинаю понимать, почему обычно их задача не попадаться вам на глаза, – потрясенно пробормотала я.

Царапка не менее потрясенно добавила:

– Начинаю понимать, почему ты влюбилась в этого мужчину.

Пламя вспыхнуло вокруг нас, лорд-директор осторожно обнял за плечи, а потом,

наклонившись к моему уху, тихо спросил:

– Правда влюбилась?

Я смутилась и ничего не ответила.

Пламя взревело, и когда угасло, мы оказались стоящими у дверей моего дома... в смысле, мы были уже внутри дома, и наше явление в центре огненных всполохов не могло остаться незамеченным.

– Кошку искали, – сообщил всем Риан. И мне: – Пирог, наверное, остыл.

– Не надо подогревать! – поспешнее, чем следовало, ответила я.

И, окончательно смутившись под его веселым взглядом, я пробурчала:

– Садись за стол, я сейчас горячие из печи принесу.

Но магистр, забрав у меня присмирившую Царапку, на кухню отправился сам. Пришлось торопливо идти следом, опять же под вопросительными взглядами присутствующих – чтобы наша кошка далась кому-то чужому в руки, такого еще не бывало.

На кухне я обошла Риана, поспешно вымыла руки, а когда обернулась... так и застыла. Лорд Тьер в несколько мгновений извлек из печи два казана и противни с пирогами, а вот туда...

– Что вы делаете? – воскликнула я, глядя, как магистр запикивает в печь не сопротивляющуюся Царапку.

Кошка не возражала, но глаза раза в два увеличились.

– Дзя, все хорошо, – сообщил мне лорд Тьер, а кошке: – Если вы попытаетесь покинуть пределы моего замка, вас уничтожит дух-хранитель. Он сильнее и вашей первой ипостаси, посему не советую даже пытаться. Однако должен предупредить – я займусь вашим вопросом, и в случае, если ваша вина будет доказана, передам вас властям.

Царапка кивнула, но бросила на меня очень жалобный взгляд. Риан также обернулся, посмотрел на меня и пояснил:

– Гончие взяли след, если я оставлю ее здесь, ее найдут в течение семи дней.

– А... почему печь? – растерянно спросила я.

Ответила Царапка:

– Почти невозможно будет отследить, куда меня переместило пламя очага.

– Просто – невозможно, – внес окончательную ясность Риан, и вокруг Царапки вспыхнул красный огонь.

Когда он угас, кошки там уже не было.

Магистр печь закрыл, прошел мимо меня, тщательно помыл руки, а после подошел к противню, и, присмотревшись к пирогам, спросил:

– Какие с творогом? По запаху чувствуется, что здесь не только мясо.

Подойдя к пирогам, указала на те, что были заметно светлее, вообще это я так первый раз попробовала сделать, сама еще не знаю, как получилось. Риан бегло осмотрелся, чуть нахмурился, затем перед ним вспыхнуло адово пламя. Когда магистр вернулся, в руках у него было блюдо, на нем тарелка с маслом.

– Меня так в одной человеческой деревушке научили, – Риан осторожно поставил поднос на стол, взял один из пирогов, переставил на поднос, сверху последовал внушительный кусочек сливочного масла, и все это слегка посолил. – Сейчас масло чуть-чуть подтает, и будет великолепно.

Масло подтаяло значительно, и было его слишком много, в итоге светлые маслянистые ручейки начали стекать с пирога по рукам магистра Темного Искусства. Я едва смех

сдержала, глядя на растерянное выражение Риана...

– Пирог слишком горячий, – догадалась я. – Сейчас я полотенце возьму и...

И вспыхнуло пламя! Огненными ручейками пробежалось по ладоням магистра, сжигая капли растопленного масла, но дальше то огонь перекинулся на пирог! И не успели мы ничего сделать, как он вспыхнул. Я испугалась, но Риан лишь недовольно нахмурился, держа пылающее нечто в руках...

И тут открылась дверь. Вошла мама, остановилась на пороге. Следом за ней на кухне появилась Сира, выглянула из-за маминой юбки и спросила:

– Ой, а чем это у вас так вкусно пахнет?

Пирог в руках Риана шипел и скворчал, а мама оглядела всю кухню, побелела и задала неожиданный вопрос:

– Где Царапка?

Сира уставилась на остатки пирога, потом на Риана, а потом на весь дом прогремел вопль:

– Они сожгли Царапку!

Огонь погас мгновенно. Сожженное тесто неаппетитным куском сиротливо лежало на ладони лорда-директора, когда тот попытался оправдаться:

– Паленое мясо так не пахнет, Сира. Это пирог сгорел, я Дэе огонь показывал, вот пирог и сгорел.

Сестричка рыдать перестала, подошла ближе, заинтересованно посмотрела на сгоревшую выпечку. Она-то успокоилась, а все остальные среагировали как раз на крик: «Они сожгли Царапку!» Пока всем всё объяснили, да пока разобрались с сожженным пирогом, вынутые из печи успели остыть...

– Не надо подогреть, – предвосхищая вопрос магистра, строго сказала я.

– А вы умеете огонь выпускать? – восторженно распахнув глазки, спросила Сира.

Пришлось заслонить остывшие пироги, грудью встав на их защиту. Но пока мы с Рианом переглядывались, мой младший брат Нэк утащил один из пирогов. Сира схватила магистра за руку и утащила следом. В итоге, едва мы с мамой и бабушкой подогрели сдобу в печи, из общей комнаты донесся запах гари.

И тут бабушка спросила:

– А где Царапка?

Отвечать мне не пришлось, так как за стеной раздался крик:

– Дэя, твой лорд горит!

Под удивленными взглядами мамы и бабушки я крикнула в ответ:

– Как горит?

– Красным пламенем! – завопила в ответ восторженная Сира.

– А-а... – уже не надрывая голос, тихо произнесла я, – ну, красным можно...

Мама и бабушка синхронно сложили руки на груди, и обе молча на меня уставились.

А тут опять крик Сиры:

– Дэя, а теперь он снова горит! Золотым!

Я метнулась в общую комнату и застала удивительную картину – Риан стоял посреди полыхающего костра из золотого пламени, который медленно, но верно гасил адово пламя. Загасил.

Увидев меня, лорд-директор просто поманил пальцем, и я побежала, встревоженная и откровенно напуганная собственной догадкой.

Поймав меня в объятия, магистр прошептал:

– Император вызывает. Ты меня простишь?

Молча кивнула.

Взметнулось адово пламя.

Пользуясь тем, что нас теперь никто не видит, Риан наклонился и осторожно поцеловал... Я не успела даже ответить, как он исчез.

А когда исчезло и адово пламя, я осталась одна, посреди нашей общей комнаты, в ситуации, когда на тебя исключительно все смотрят.

– Что случилось? – папа спросил первый.

– Император вызвал, – ответила глубоко несчастная я.

– Ох ты ж, Бездна! – выразил общие мысли дядя Ирв.

– Даже поесть не дали, – выразила мои собственные мысли бабушка.

Вскоре все уже расселись за столами, а меня между собой посадили обе бабушки, видимо, решив, что только им удастся отвлечь меня от грустных дум. А подумать было над чем, например, об ответе на вопрос: кого так отчаянно покрывает император?!

И бабушка Дора, и бабушка Айар пытались меня покормить, о чем-то рассказывали, и вообще за столом не прекращались веселые разговоры, и тут Сира, подошедшая со спины и прижавшаяся ко мне, мечтательно протянула:

– Да-а-а, хороший лорд... Вот будь я постарше, я бы влюбилась!

И все, плотину прорвало:

– Так, где вы познакомились? – требовательно спросила тетя Кари.

– И как давно у вас отношения? – Дядя Нор иной раз был любопытнее всех женщин нашего семейства разом.

Бездна, спаси меня!

И к моему огромному счастью, Бездна действительно помогла, так как в следующее мгновение раздался стук в двери. Осторожный такой.

Папа встал и пошел открывать. На пороге оказались замерзшие и продрогшие тетя Руи и дядя Лус.

– Видать, все почтовые кареты уже уехали, – задумчиво сказала бабушка Айяр.

– И телеги тоже, – бабушка Дора поднялась и грозно так произнесла: – Что ж, дети мои. Рада вашему возвращению. Очень рада. И если от Руи подлости ожидать могла, то ты, сын!..

Дядя молча вошел в дом, опустил голову, но ничего не сказал. А тетя молчать не стала:

– Да, мы взяли деньги, – начала она визгливым голосом, – но как не взять?

Отец дверь захлопнул, к тетке подошел и глухо спросил:

– Я твоих детей продавал?!

Руи быстро за спину дяди спряталась, а там снова храбрости набралась:

– Я бы ему свою дочь отдала еще три года назад, так нет же – Горту только Дэю и подавай!

Бабушка Дора удивленно переспросила:

– Три года?

Руи поняла, что можно все рассказывать, наполовину высунулась из-за дяди, и понеслось:

– Так он ее давно заметил, в Ардаме еще. Дэйка ж подавальщицей работала.

Не помню, чтобы я хоть раз видела господина Горта в Ардаме. А тетка продолжает:

– Да к ней там не подойти, уж Бурдус, то ли по доброте душевной, то ли...

– Руи! – оборвал ее дядя.

– Не подойти к ней было, – уже тише продолжила тетя, оставив свои умозаключения при себе, – вот и пришла кузнецова мать ко мне. Посидели, поговорили, она меня про племянницу и спросила. Я сразу правду сказала – что Дэйке два пути: в рабство долговое али на государственную службу. А когда узнали, что дело-то с лордом земли разрешилось, так сразу весточку Горту отправила. Ох и обрадовался он... Я ж как лучше хотела!

Но родичи смотрели на нее с осуждением, а бабушка спросила:

– Деньги зачем взяла?!

Тетя попыталась что-то ответить, потом решила вновь оправдаться:

– Так хороший же мужик, кто ж знал, что у Дэйки-то лорд?!

Но бабушка Дора не повелась:

– Я другой вопрос задала, Руи! Ты жена главы рода, ты за всех детей рода отвечаешь, это да. К тебе сваты идут, тебе лучших отбирать, но продавать дочерей наших права не имеешь!

Тишина снова воцарилась в нашем доме. Тягостное молчание и осуждение.

– Вы не можете нести такую ответственность, – сказала бабушка.

Так и происходит смена главы рода. Все молчали, ситуация была малоприятной. Потом встал дядя Ирв и уверенно произнес:

– По старшинству я следующий. Мне и возглавлять род.

Потом, как водится, все сидели за столом, обмывали мое обручение, пили за лорда Тьера, про которого папа всем рассказал, поминали недобрыми словами лорда Градака... Мои мысли были далеко... и крутились они возле Юрао. И вокруг семейных артефактов рода Тьер, и вокруг Царапки, и почему-то без дроу мне думалось плохо.

– Мама, – стоило мне это сказать, как все за столом замолчали, даже продолжать уже не хотелось, но... – я утром уеду, хорошо?

Заметно расстроившись, мама кивнула, а вот отец тут же спросил:

– Почему?

– Хочу кое в чем разобраться, – не стала скрывать я. И уже громче: – А еще, пап, понимаешь, мы с напарником открыли контору частного сыска, и там столько дел накопилось...

В нашем доме повисла гнетущая тишина. Женщины у нас не занимались собственным делом, тем более контор не открывали. И потому смотрели на меня сейчас отовсюду с явным неодобрением. Ну, это ничего, и, поднявшись, я бодро сообщила:

– Да, контора частного сыска «ДэЮре», то есть Дэя и Юрао. Мой партнер – офицер Ночной стражи Юрао Найтес, также с нами работает его сестра Риая и моя подруга Яна. У нас помещение на центральной улице Ардама... – Помолчав, добавила: – Я понимаю, что вам это не нравится, как не нравится и то, что я дала согласие на брак без одобрения глав рода, но это моя жизнь, и я буду жить так, как считаю нужным!

Тишина стала почти угрожающей, и только папу заинтересовало мое самоуправство:

– Твой лорд об этом знает?

– Да. – Я улыбнулась.

– Одобряет? – продолжил допрос папа.

– Нет, – честно ответила я, почему-то улыбаясь все шире.

– Ага, – отец налил в свою кружку сливовицы, – значит, ваше дело с конторой – это ненадолго.

И все тоже себе налили, и над столом поднялся галдеж, и мне помолчать бы, но хватит с

меня молчания:

– Нет, папа, – чуть повысив голос, сказала я. – Контору мы с партнером закрывать не собираемся. И даже когда я выйду замуж за лорда Риана Тьера, а произойдет это только после окончания мною Академии Проклятий, я буду продолжать заниматься своим делом. Потому что мне это нравится, потому что это мое призвание и потому что я так хочу!

Сказать, что все мои родственники были в ужасе – ничего не сказать. На меня смотрели с каким-то священным страхом и бездной осуждения. Видимо, все решили, что свадьба с лордом-директором у нас со дня на день, а тут такие новости.

Тетя Руи не удержалась первая:

– Да кому ты нужна будешь через полтора года-то?

И все молча ждали моего ответа, потому что тетя явно общую мысль высказала. Я и ответила:

– Себе, тетя. В первую очередь я буду нужна себе!

Не знаю, что было бы дальше, но тут мама тихо сказала:

– Правильно, доченька. Самое правильное решение. А когда себе нужна, и остальные в тебе нуждаются.

Как ни странно, после маминых слов все свои умозаключения высказывать не стали. Но не одобряли, наверное, даже считали душой последней, однако смолчал даже отец.

* * *

Утром провожали меня только родители. Посиделки затянулись до рассвета почти, и некоторые из моих дядьев так и остались спать за столом... Точнее, они оттуда встать не смогли. Я держала сонного Счастливику на руках, зевала и сама.

Мама мне в дорогу собрала снеди побольше, отец пошел седлать коня, а мы прощались на пороге дома.

– Береги себя, – попросила мама. – И приезжай почаще.

Дверь открылась, вошел отец и вместе с ним сотня снежинок.

– Метель начинается, – сказал папа. – Ночью поутихла, а сейчас воем все злее и злее. Осталась бы ты дома, Дэя.

– У меня столько планов, пап, – я погладила Счастливику, – хочу заехать в Геиру, в храм Бездны, еще в Меркос.

– А там что? – удивился отец.

– Архивы, – не стала скрывать я. – Заодно присмотрю себе тему для дипломной работы, нам магистр Тесме сказал: надо определяться с ней уже к окончанию каникул.

Родители переглянулись, не поняли половины, но решили, что я точно знаю, что делаю. Я не знала. Я искала ответы и решила, что в архивах смогу найти хоть что-то, потому что тайна императора все больше интриговала.

* * *

До Заставы передвигались на санях с папой, и доехали мы с трудом – лошади не кентавры, с этим не поспоришь. У лошадей, в отличие от возниц, Магии Пути нет. Когда

наконец добрались до утепленного подъездного павильона, наш Серка уже и дышал с трудом.

– Возьму возницу, – успокоил меня отец, – самому в метель соваться глупо. Посиди пока, найду твой экипаж. Так ты куда сейчас хочешь?

– Меркос, – отозвалась я, – и нужно, чтобы довезли до дома тети Орин.

– Улица Висельника, дом девяносто два? – уточнил папа. Я кивнула, и он добавил: – Жди, я быстро.

Сидя на санях, я осматривала Заставу. Сейчас мы находились в большом деревянном добротном сколоченном павильоне, который накрывал теплым куполом перекресток дорог, а летом посадка происходила прямо у дороги, там просто платформы стоят. Наша Застава являлась единственной для семи окрестных деревень – Загреба, Лирды, Мри, Захра, Умерта, Незаверта и Погреба. Отсюда на север вел путь к нашему главному городу, на запад – к столице Приграничья Ардаму, на юг к Меркосу, одному из недавно захваченных городов. Точнее относительно недавно – Меркос уже сорок лет как принадлежал империи.

Раздался стук копыт – с северной дороги приближался экипаж, запряженный сразу двумя кентаврами – кто-то очень торопился и явно тройную цену заплатил, возницы-кентавры у нас в паре работать не любят. Предположение о состоятельности пассажира подтвердилось – стоило экипажу подъехать к платформе, из кареты вышел седой полноватый мужчина в черной шубе и черной же шапке. Мужчина недовольно прикрикнул на возниц, швырнул им золото и движением руки заставил последовать за собой три дорожных чемодана. Темный маг!

Поглаживая довольно мурчащего Счастливого, я, как и все присутствующие, с интересом следила за магом. За тем, как он спустился с платформы, причем шагая по ступеням, даже не смотрел под ноги, как вышел к местам ожидания и недовольно огляделся. Видимо, здесь его должны были встретить, но, увы, никого не было... И на смуглом лице мага отразилось раздражение, вместе с какой-то нервозностью...

А потом все изменилось!

Неожиданно в теплый, залитый магическим светом павильон со всех четырех дорог влетели четыре черных смерча!

Взвыли охранные заклинания! Взвыли оглушающее напряженно, тревожно!

Вмиг заверещали женщины, и почти сразу отреагировали Дневные стражи, чей форпост наверху находился. Офицеры, сверкая охранными щитами, спускались – одни мчались по лестницам, другие змеились по стенам, кто-то вбегал через вход... А смерчи целенаправленно двигались по направлению к магу, и это несколько успокоило остальных путешественников, решивших, что, возможно, все это просто проделки эксцентричных темных, ровно до крика одного из стражей:

– Заклинатели!

Вот тогда действительно началась паника! Сначала весь павильон запылал алым светом, что было призывом к Ночной страже – Дневная тут бессильна, им значительно безопаснее просто не вмешиваться, не их уровень. Впрочем, и не каждый из Ночных что-то сделать сумеет – Заклинатели – это клан человеческих магов. Один из сильнейших кланов, их специализация – уничтожение нечисти. И потому я, хоть и перепугалась, но сидела спокойно, и те немногие, что были чистокровными, тоже не спешили – а вот полукровки мчались прочь, хорошо зная, что Заклинатели, даже уничтожив того, за кем пришли, исключительно из ненависти начнут убивать любых родичей Хаоса... и им не важно, есть ли среди тех дети, женщины, да и просто обычные жители. Заклинатели убивали всех, до кого

могли добраться... Иной раз уничтожая целые деревни.

– Дэя! – Крик отца отвлек от созерцания четырех черных вихрей. – Дэя, разворачивай коня!

Взглядом отыскала среди мешанины убегающих отца – он стоял через дорогу, и, так как все возницы мчались прочь, не утруждая себя необходимостью распрячься из экипажей, подобраться ко мне папа не мог. Я же оглянулась на вход, через который мы приехали, и поняла, что быстро выбраться не сумею, так что безопаснее было оставаться на месте.

И тут Заклинатели приняли истинную форму!

И стало ясно, почему отступали Дневные, не рискуя даже попытаться спасти хоть кого-то: все Заклинатели были скаэнами, то есть жрецами. А вот это уже совсем плохо – жрецы у них маги высшего уровня, и эти убивают всех, даже чистокровных людей, считая нас, проживающих в Темной империи, пособниками Хаоса...

– Дэя! – крик папы.

Но я уже понимаю, что бежать смысла нет, – один из скаэнов вскидывает руки, и заклинание, черное, как чернильное пятно, взмывает вверх... Мгновение – и все выходы замурованы силовой решеткой. Они пришли убивать... и они будут убивать... Всех!

И мне стало очень-очень страшно, а еще почему-то в памяти настойчиво стучало: «Заклинания противодействия». И если бы я в тот момент думала только об этом – я вспоминала ВСЕ, чему нас учили, все проклятия, которые можно было вспомнить, все способы защиты, которые только у меня были... Потому что даже возрожденный дух в такой ситуации меня не защитит – Заклинатели уничтожают любые виды потусторонней жизни. Абсолютно!

Нарастающий гул!

Крики испуганного народа, визг тормозящих колес и ржание калечащихся возниц, которые на полном ходу, не успев остановиться, врезались в магические стены... Это было ужасно... Ужасно и так... неправильно.

В этот момент что-то мощное ударило в павильон снаружи – Ночные стражи прибыли! И снова удар, и еще... И только теперь стало ясно, что Заклинатели отрезали нас от всего мира исключительно в целях собственной защиты. Удар... еще удар. Ночные стражи рвались к нам, все усиливая напор. В глазах окружающих появилась надежда, крики смолкли. Дневные стражи взяли оружие на изготовку...

Но появление Ночных поторопило и Заклинателей.

– Отдай! – властно приказал один из скаэнов.

И приказ его был обращен к магу. Магу, что стоял, опустив руки, но уже в следующее мгновение этот старый мужчина сорвал с головы шапку, резким движением снял шубу. Сухой, чуть сгорбленный старик гордо осмотрел своих убийц и спокойно ответил:

– Моя смерть уже ничего не решит.

Заклинатели подплыли к жертве, используя перемещение по воздуху. Четыре темные, замотанные в черно-серые ткани фигуры, с символом клана, сверкающим на груди. Сверкают только у жрецов, это мы на первом курсе учили... И чем сильнее жрец, тем ярче сияние символа клана... Так вот эти – сверкали ослепительно!

– Ты скажешь, – произнес второй из Заклинателей, и в мага с четырех сторон понесся свет...

Старик взвыл... захрипел, упал на колени, и из его рта потекла кровь... Послышался рев детей, какая-то женщина закричала:

– Что же вы делаете?!

Один из Заклинателей, не отвлекаясь от истязания мага, лениво протянул руку в ее сторону... В следующее мгновение в его ладонь влетела стрела, пробив насквозь! Заклинатели застыли, забыв на мгновение даже о старике... Я тоже застыла – стрелы с черно-красным оперением были мне очень знакомы... Папины стрелы.

И все Заклинатели разом повернулись в сторону, откуда было совершено нападение. Там стоял мой отец, прикрыв собой ту самую женщину, которая, видимо, и кричала. И папа демонстративно положил вторую стрелу на тетиву.

Но папа не понимал, просто не понимал, с кем имеет дело! Это не рядовые Заклинатели, это сказаны, и за свою помощь женщине отец заплатит мучительной, очень мучительной смертью.

Швырнув Счастливого в сани, я подскочила на козлах и, глядя на всех четырех Заклинателей, заорала, почти срывая горло, первое, что в момент паники пришло на ум:

– Тэека акахаа махэхэере!

Мой звонкий голос разнесся по всему павильону, и жрецы разом повернулись ко мне, забыв про папу. Любой бы забыл, если бы вмиг остро возжелал единения с природой. Да, в критической ситуации я не придумала ничего лучше, чем использовать проклятие острого поноса. К тому же это было самое простое из проклятий мгновенного действия, на любое другое требуется время, и формула гораздо длиннее...

Впрочем, мне следовало думать не о преимуществе уже использованного проклятия, а о собственном выживании, потому как маги подобного уровня отсекают внешнее воздействие слишком быстро...

Отсекли!

– Ты! – прорычал вновь выпрямившийся – сказан.

Просто когда их скрутило, согнулись все разом, но подавить мое проклятие для них труда не составило... И как только все заклинатели повернулись в мою сторону, я в ужасе выдала:

– Та эар нкатохэе...

Договорить не удалось, один из жрецов взмыл вверх и оттуда ударил силовой волной. Меня смело с саней, швырнуло на свежеструганные доски недавно перестеленной платформы, и от удара словно весь воздух вышибло из груди... В голове на мгновение потемнело, но я упала удачно, удар пришелся на спину и бедро...

Вот только вовсе не падение было моей самой большой проблемой.

– Ты человек, – прошипел Заклинатель, прыжком преодолев разделяющее нас расстояние и хватая меня за горло. – Человек! Ты женщина! Как ты посмела поднять руку на спасителей?

Проговаривая каждое слово, он встряхивал меня, продолжая держать за шею, от таких вибраций свалился мой платок, волосы растрепались и, наверное, со стороны я выглядела тряпичной куклой...

– Мы вас спасаем, – шипел между тем жрец, – ради вашего спасения гибнут наши братья, льется наша кровь...

Он не душил, но шанс сломать позвоночник имелся значительный, и я взмолилась:

– Отпустите...

Нашла кого просить. Потому что даже отпускали Заклинатели примечательно – он швырнул меня через половину павильона, и, когда я упала у ног того самого окруженного

тремя скаэнами захлебывающегося кровью мага, за волосы схватил уже другой жрец.

Это оказалось очень больно, когда тебя поднимают, намотав пряди на кулак, к счастью, в следующее мгновение меня брезгливо отпустили...

– Глупая женщина, – прозвучал голос уронившего меня Заклинателя, – в твоей душе Тьма, Хаос пожрал твою душу, Бездна забралась в голову. В тебе больше нет света, и ты умрешь мучительно.

«Надень свое обручальное кольцо на правую руку», – вспомнила я слова магистра Эллохара. Но, свернувшись от боли у ног своих предполагаемых убийц, я подумала, что с кольцом вряд ли получится, а вот о магистре Эллохаре вспомнила кстати, и о том браслете, что он надел мне на запястье.

– Подождите, – взмолилась я, – пожалуйста... одно мгновение всего, я...

Я торопливо забралась под рукав, пальцами нащупывая нитяной браслет.

Нашла... сжала узелок... и просто помолилась Бездне о спасении.

А четверо Заклинателей вскинули руки, намереваясь, вероятно, призвать одно из заклинаний уничтожения или смерти... Или чего похуже! Снова поднялся крик, а еще, приподнявшись, я увидела отца, рвущегося ко мне, и Дневных стражей, пытающихся наложить защиту на присутствующих, и...

Вспыхнуло синее пламя!

Яркое, ревущее, грозное! А когда оно угасло, мы все увидели магистра Эллохара в одних коротких женских панталонах ядовито-розового цвета, да еще и с кружавчиками, а больше на директоре Школы Искусства Смерти ничего не было.

Появление высоченного беловолосого мага в столь фривольном наряде поразило даже Заклинателей, что уж говорить об остальных присутствующих... у некоторых из Дневных стражей мечи из рук попадали.

– Оу, – ничуть не смущенно, скорее удивленно выдал магистр Смерти, – у вас тут весело, я смотрю. – Окинул взглядом Заклинателей и добавил: – Да что там весело, дипломатический прием в разгаре... Хм.

Далее уже исключительно скаэнам:

– Атиохий, Эзверус, Нгалит, Ферусий, рад, исключительно рад видеть... А ничего, что я один? Вас не смущает, нет? А вот я смущен, друзья. Одно мгновение!

Вспыхнуло синее пламя.

Когда спустя мгновение огонь погас, на платформе оказались еще четверо неизвестных мне магов, затянутых в черные одеяния с символикой Школы Смерти на отворотах камзолов.

– Никакой магии. Уничтожить! – с улыбкой приказал лорд Эллохар.

В руках адептов Смерти засветились мечи, в следующее мгновение начался бой. Темные бросились на Заклинателей, Заклинатели ударили магией, мечи впитали все в себя и запылали синим пламенем. Заклинатели, осознав, что магия здесь бесполезна, выхватили свое оружие – началась рукопашная.

– Адептка, адептка... – Магистр Эллохар, не смущаясь ни собственным видом, ни тем фактом, что температура была далеко не летняя, подошел ко мне, присел, сразу ощупал шею. – Жива?

– Спасибо, – пробормотала я.

Магистр ухмыльнулся, вскинув голову, проследил за ходом схватки, удовлетворенно кивнул и, поднявшись, подошел к искалеченному магу.

– Ты как, дружище? – весело поинтересовался он, опустившись на одно колено и касаясь

почти одновременно лба и груди мага.

– Мы... враги, лорд Эллохар... – простонал тот.

– Да брось, – ничуть не возмущаясь, ответил магистр, – ты давно у меня в категории врагов уважаемых, а это почти что друг. Будет больно, Ардаур, контролируй сердце.

– Понял, – прохрипел старик.

А потом заорал, не сдерживаясь, а может, и не в силах сдержаться, и, когда из его горла вновь хлынула кровь, на сей раз сгустками, его крик потонул в этом потоке.

– Контролируй сердце, – уверенно и спокойно приказал Эллохар. – Контролируй каждый удар!

И все прекратилось. Маг лежал на полу, уже глубоко дыша, и на лице его не было гримасы боли... Спокойствие и умиротворение, а еще легкая улыбка на губах. Но ненадолго. Старик вскинулся, посмотрел на Эллохара и прошептал:

– Они готовят ритуал! Артефакты, они...

– Они у Тьера, – ответил магистр и бросил быстрый взгляд на меня.

Да, я жадно внимала каждому слову. И директор Школы Искусства Смерти это явно понял, потому и смотрел на меня с явным неодобрением.

– Лорд Эллохар, – старик сел, затем отвернул манжету и снял браслет из красного золота, – отдайте Риану Тьеру, он сохранит... он – сумеет.

Магистр молча взял артефакт, снова недовольно посмотрел на меня, а затем украшение вспыхнуло на его ладони синим пламенем и исчезло. Поздно! Теперь я знаю, что искали Заклинатели.

И тут в очередной раз меня поразил магистр Эллохар.

– Ну кто так убивает?! – директор Школы Искусства Смерти подскочил. – Адепт Валенси, у вас с ним брачные игры или смертельный бой? Я что, обнимать его просил?!

Повернув голову в сторону, куда взирал магистр, увидела, как одна из черных фигур буквально душила Заклинателя. Мечи валялись рядом, Заклинатель хрипел и бил пяткой, а адепт Школы Смерти с трудом удерживал его.

– Это Заклинатель, Валенси, – сокрушенно орал Эллохар, – время смерти мозга при отсутствии воздуха – два часа! Ты его два часа душить будешь?

Адепт уронил убиваемого... смущенно пнул его ногой почему-то, потом заорал в ответ:

– А мы не изучали смертоубийства жрецов клана Заклинателей!

И пнул несчастного повторно. Дневные стражи взвыли от ужаса, глядя на эту картину, потому как они в такой ситуации уже давно представляли бы собой мешки с переломанными костями.

– А вся ваша группа изучала, адепт Валенси. – Эллохар в розовых штанишках казался очень забавным, даже несмотря на ужасающую ситуацию. – И только ты умудрился отсутствовать. Весело провел вечер в доме матушки Гобс? А теперь веселиться буду я. Жрец Заклинатель, Валенси. Применение любой магии смертельно, так как скаэн способен мгновенно обратить ее против атакующего. Действуй, адепт, и помни – скаэн изучает тебя, каждый твой жест, каждый выпад, и этому пинаемому тобой индивиду требуется еще всего несколько мгновений, чтобы применить заклинание Зеркала, после чего конкретно для тебя он станет фактически неуязвим. И вот когда он будет тебя убивать, Валенси, мне будет весело! Прямо как тебе во время прогуливания лекций.

Адепт подхватил мечи и ринулся в атаку, причем адепты Смерти лежащих били, другой разговор, что Заклинатель теперь стремительно поднялся, и уже очень успешно держал

оборону. Тут я не выдержала:

– Магистр Эллохар, можно вопрос?

– Валяй, Риате, – скупающе ответил маг, следя за боем своих учеников.

– Простите, а... это действительно просто адепты? – недоверчиво переспросила я.

Ведь Заклинатели – не те противники, против которых вообще адептов отправляли...

Заклинатели и сильного мага были способны уничтожить очень быстро, что уж говорить об адептах!

Магистр мне ответил не сразу. Следя за боем, он неожиданно рявкнул:

– Сменили партнеров, девочки!

В то же мгновение адепты, метнувшись тенями, поменялись скаэнами. Эллохар удовлетворенно кивнул и соизволил мне ответить:

– У вас в академии свои наказания, у нас свои. Пропускать пары не запрещено, посещаемость на усмотрение адептов, но... – он криво ухмыльнулся, – никто не защитит адепта от мгновенного перемещения в эпицентр боя с противником, по убийству которого он пропустил занятие.

Хорошо, что у нас пропустивших лекцию не проклинаят...

– Магистр, а... – начала я.

– Задашь вопрос про мой внешний вид – и тут же отправишься к Тьеру на воспитательную беседу, – неожиданно пригрозили мне.

Больше Эллохар со мной не разговаривал. Несмотря на кажущуюся беззаботность, он пристально следил за ходом сражения, время от времени окутывая своих адептов защитными заклинаниями, а затем приказал:

– Достаточно! Отступить!

И в руках магистра сверкнули синим пламенем два клинка... Когда полуобнаженный высоченный воин в одних розовых панталонах бросается в бой – это забавно лишь в первое мгновение... Потом мелодию Смерти начинают петь его клинки, и для веселья места не остается.

В этой битве Эллохару не нужна была поддержка, как не требовалась и защита, – магистр мчался к четырем сверкающим фигурам, раз за разом посылающим в него заклинания, он уворачивался от всего. Прыжок вверх, легкое приземление, и он вновь устремляется к скаэнам... Чернильное пятно вспыхнуло на пути, но Эллохар поднырнул под него, перекувырнулся и вновь набрал скорость... Первый Заклинатель был разделен надвое сверкающим клинком, второго лезвие словно едва коснулось, но вот он падает на колени, зажимая рану на животе и пытаясь применить магию исцеления. С оставшимися двумя Эллохар сражался дольше, мастерски уходя от выпадов стали и ударов магии, а потом в миг, когда упавший на колено магистр разом пронзил обоих противников, время словно остановилось... И будто все застыло – Эллохар с клинками, вошедшими в тела Заклинателей, сами жрецы, занесшие мечи над темным лордом, и магия, искрившаяся вокруг их сражения...

Яркий-яркий миг... удар сердца... волшебство распалось...

Хрип умирающих, спокойный магистр, рывком освободивший свои клинки, оторопелое «невозможно» со стороны Дневных стражей, потрясенное «скаэны мертвы» от всех присутствующих в отрезанном от мира ангаре...

Да, это действительно Искусство Смерти. Истинное искусство, ведь четырех сильнейших жрецов Заклинателей магистр Эллохар убил за какие-то несколько минут.

– Дэя, – ко мне подбежал отец, сразу осмотрел лицо, прощупал руки, потом перешел к ногам, и все это торопливо и расспрашивая в процессе: – Где болит? Ты так упала, что могут быть повреждения. Голова не кружится? Не тошнит? Не...

– Все хорошо, папа. – Я встала, опираясь на его руку. – Только ушиб на бедре, а так все хо-рошо...

И тут магия Заклинателей истаяла, открыв проходы. Темной лавиной метнулись Ночные стражи, но, стоило им узреть долговязую фигуру магистра Эллохара, офицеры остановились. Затем я услышала голос лорда Мероса:

– Опасности нет. Магов-лекарей пострадавшим, возобновить движение на путях, коменданта Заставы ко мне.

Папа тоже осмотрелся и довольно заметил:

– Из самого Ардама патруль перекинули – видать, угроза была нешуточная.

Я даже не стала говорить отцу, что угроза не просто была «не шуточная», угроза была фатальная, жрецы Заклинатели – это смерть. Для всех. Они живых вовсе не оставляют, так что я бы не удивилась, появись здесь патрули Ночной стражи даже из самой столицы. Но говорить этого, конечно, не собиралась – раз тут появился лорд Мерос, значит, и весь его патруль с ним, и я всю выглядывала одно создание с золотыми глазами и золотыми волосами, но дроу увидел меня раньше.

– Партнер! – Его вопль потряс весь павильон. – Ты, как всегда, в центре событий!

Офицер Найтес прорвался ко мне сквозь толчею, радостно взбежал на помост и, налетев, обнял, подкинул, закружил, поставил на ноги, и понеслось:

– Дэй, ты в Ардам? Давно пора, вообще загулялась, слов нет как! У нас такое дело... озолотимся, Дэй. Плюс гномы нам эксклюзивное право на расследование в гильдии дают. А самое главное, помнишь то дело мастера кожевника? По нему новые зацепки есть. Закачаешься! Так что хватай чемоданы и давай через портал, нечего на возниц разоряться. Дэй, а ты чего улыбаешься?

И действительно, чего это я...

– Темных, партнер! – весело напомнила я о приличиях.

– И тебе кошмарных. – Юрао чуть прищурился. – Так, ты мне сейчас еще скажи, что в Ардам не собираешься, и тогда я пойду некромантом подрабатывать. Дэй, ты мне нужна, серьезно, я уже думал сам за тобой лететь!

Молча повернулась к оторопевшему отцу и вежливо начала:

– Папа, это офицер Ночной стражи Юрао Найтес, мой партнер и совладелец конторы «ДэЮре». Юр, познакомься, это мой отец, мастер-охотник Орон Риате.

Оба обменялись поклонами, но при этом были явно потрясены встречей. Особенно папа – он такого не ожидал.

– Рад с вами познакомиться, мастер Риате. – Дроу вновь галантно поклонился.

Папа почему-то спросил у меня:

– Тьер точно знает?

Это было еще не все, что предстояло увидеть папе.

– Дэя? – На помост уверенно вошел лорд Мерос, и его черный плащ с символикой главы третьего патруля Ночной стражи Ардама привлек к нашей компании всеобщее внимание. – Ты здесь? И была в момент нападения? Дэя, ты в порядке?

Он подошел, протянул руку, пытаясь прикоснуться к моему лицу, и был остановлен насмешливым:

– А вот этого я бы на вашем месте делать не стал. – Лорд Эллохар, уже в черном костюме магистра Смерти, к нам не поднимался, но, как оказалось, за развитием событий следил. – На вашем месте, Мерос, конкретно к адептке Риате я бы не приближался. Не то чтобы Тьер собственник, хотя и это тоже, однако защита наиболее агрессивно реагирует именно на вас.

Лорд Шейдер руку убрал мгновенно, процедив сквозь зубы:

– Лорд Эллохар...

– Он самый, – весело отозвался магистр. – Мерос, на твоём месте я бы поинтересовался у коменданта, почему в момент нападения не были открыты спасательные ходы? Я не заметил ни одного, пол данного строения абсолютно монолитен. По сути, коменданту за подобную халатность достойным наказанием была бы смерть, но советую смягчить приговор, заменив каменоломнями, например. Пусть приносит пользу там, раз не справился с ответственным постом. И что-то я еще хотел сказать. – Эллохар призадумался. – А, точно: чем ты думал, когда пытался проломить стены силовым ударом? Мерос, строение без фундамента! Достаточно было банально приподнять павильон.

Скрежет зубов лорда Мероса был едва различим, но мы, стоящие рядом, услышали.

– Да брось, начальство, – Юрао похлопал это самое начальство по плечу, – не стоит связываться...

– Найдес, – прошипел Шейдер, – прекратите фамильярничать!

Несмотря на то что обе фразы были сказаны очень тихо, для Эллохара они тайной не стали:

– Дроу, – насмешливо крикнул он, – не порть мне веселье!

Папа молча взял меня за руку и повел за собой. Правда, только тогда я поняла, что прихрамываю и бедро побаливает, но это все мелочи, а вот папино: «Мы едем домой» – это уже неприятно. Но я бодро прохромала до саней, нашла Счастливику, взяла его на руки, и котенок, до того дрожавший всем тельцем, сразу успокоился.

– Домой, Дзя, – повторил отец. – Откуда столько лордов тебя знают?! И мне вообще не нравится вся эта ситуация вокруг тебя.

Говорил папа негромко, но убежденно и зло.

Попыталась объяснить:

– Магистр Эллохар – друг лорда Тьера, лорд Мерос – глава одного из патрулей Ночной стражи Ардама и соответственно всего Приграничья, поэтому меня и знают.

Отец пристально посмотрел на меня, потом задал очень интересный вопрос:

– Как ты вызвала этого... в розовых штанах?!

Я хотела ответить, но это сделали за меня:

– Панталонах, – уточнил магистр Эллохар, бесшумно приблизившийся к нам, да так, что мы и увидели его, только когда заговорил. – Понимаете, ваша дочь... Дочь, я ведь правильно понял?

Несколько смущенный папа кивнул и подтвердил:

– Старшая.

Магистр усмехнулся и продолжил:

– Так вот, ваша старшая дочь умудрилась захватить в вечное рабство сердце моего лучшего ученика, соратника и по совместительству единственного друга. И как друг и наставник Тьера я решил подстраховаться и приобщиться к сохранению жизни, чести и достоинства его избранницы. На вашей старшенькой есть созданный ведьмами весьма

неприметный амулет, который Дзя и использовала в критической ситуации. Проблема лишь в том, что конкретно в момент вызова я был не один, и пришлось воспользоваться первой попавшейся под руку одеждой. Я удовлетворил ваше любопытство?

[Купить полную версию книги](#)